

СЕРГЕЙ ПЛОТНИКОВ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

FANTASY ✨ WORLD

Annotation

Егор Далеев был обычным русским программистом, а стал обычным монгольским школьником. Незавидная карьера, но с другой стороны, школа эта в магическом мире, где на большей части Евразии раскинулось огромное паневразийское государство – Великая Империя. И рабочие навыки Егора востребованы в новом мире не меньше, чем в старом – ведь он занимается системами автономного управления в армейских дронах, то есть искусственным интеллектом в узком смысле этого слова. Впрочем, столь ли узком? Придется посмотреть – новый мир отнюдь не сказка, и в мутной воде эпохи надвигающихся перемен может произойти всякое.

Сергей Александрович Плотников

Техническое задание

© Сергей Плотников, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

За 5 лет до начала событий

Красив Город-на-Неве, ох, до чего красив. Необычна его красота для великоросского ^[1] глаза, привыкшего к величавой округлости линий и массивности древних стен кремлей исторических городов, а уж для жителей Хань и подавно чудна: строгие здания практически без украшений, прямые как стрела проспекты, огромные, пустые, ничем не ограниченные пространства площадей. Лишь у монументальных соборов, у немногих городских дворцов, да на многочисленных мостах через узкие и широкие каналы позволяет себе Петербург показать, что не чужд он и культурной красоте, и духовному совершенству, и даже сдержанной роскоши. Говорят, Наместник Западных Земель Пётр Романов, что в памяти народной так и остался Первым Наместником (или просто – Первым), долго ломал голову над тем, как же ему выполнить Императорское поручение: построить город, что западных варваров сможет принимать по делам торговым или ещё каким, и чтобы они сразу нужное представление об Империи получили. Чтоб, с одной стороны, сразу поняли, с каким могучим государством дело имеют, а с другой – чтобы собственные подданные понимали, где столица Родины их, а где... прихожая, чрез которую не каждого гостя и пропустят. Пётр за дело взялся ревностно: сам, лично, не поленился объездить сначала доступные варварские города и королевства их крошечные, тщательно где записывая, где рисуя, а где и скупая предметы быта да обихода (попутно и технологический уровень выяснил, и по флотам держав-соседей много что разузнал), а как вернулся – знал уже, чего да как устроить нужно. И устроил. Не было показной роскоши в новом граде-порте, и радушия хоть показного, хоть настоящего не было ни на лян. Но не был новорожденный населённый пункт и суровой крепостью: ни от кого не прятался за стенами и не защищался Город-на-Неве. Он был выше этого. Больше. Давил своими просторами и неуязвимостью, как горный пик с серебряной шапкой снегов: что может армия, пусть даже и с пушками, против вечного седого исполина? И очень хорошо характеризовал этим всю Империю, которую теперь достойный внук Ивана Третьего Васильевича не без основания повелел называть Великой.

Император лично прибыл осмотреть содеянное наместником. Узрев же, впечатлившись вельми и получив объяснения, до того восхитился прозорливостью и умом ставленника, что немедленно нарёк «Северную прихожую» Петроградом, городом, коему покровительствует святой Петр. И даже повелел построить дворец наместника, по убранству не уступающий императорскому, что в Запретном Городе расположен. И ещё три сотни лет род Романовых раз за разом подтверждал право наместничества, пока Николай Последний не убедил монарха, что пришло время снять тяжесть бремени с одних его плеч и переложить на многих. Вот уже полных сто лет прошло с того момента, а люди всё спорят – правильно ли было то, или нет, и не неустроение ли, пошедшее с того решения, создало у некоторых соседей ложное убеждение, что ослаб двуглавый орёл, и одряхлел кольцами выющийся вокруг него дракон. И, так уж вышло, что кто-то, по всей видимости, так и не понял данный на тот вопрос ответ...

Бек Тогжан Абишев

– Мой бек! Сигнал! – одно то, что подчинённый и вассал ввалился в номер, единолично занимаемый уважаемым монгольским беком Тогжаном из славного рода Абишевых, не просто без должного уважения и степенства, а даже и без предварительного стука, уже

говорило о чрезвычайной серьёзности происшествия. Учитывая обстоятельства, по которым этот «широко известный в узких кругах» купец, или, если на западный манер – бизнесмен, вообще прибыл в Северную Пальмиру лично, причины для тревоги были очень существенные. Дело в том, что Абишев-батыр^[2] был одним из тех немногих людей, что умудрились построить своё дело на разработке высокотехнологичного оружия и средств поддержки для армии Великой Империи. Вдумайтесь: не на продаже (или уж тем более перепродаже), не на изготовлении – на разработке. Это значило, например, что в основных конкурентах у бека находятся государственные военные НПО, очень косо смотрящие на тех, кто смеет утверждать, что разработки, дорогие и полностью на гособеспечении, могут быть хуже, чем разработки какой-то там частной лавочки. Конечно, в такой отрасли понятие «частный бизнес» становится несколько условным – примерно настолько же частными могут быть компании-аутсорсеры, запускающие тяжёлые ракеты-носители в космос. Зато, в отличие от толстожопых генералов от НИОКРа, государственных производств и НИИ, которые могли прикрыться от гнева руководства за спущенные на мертворождённый проект миллиарды рублей бумажкой «техническое задание», Тогжан Абишев был кровно заинтересован, чтобы любой его проект признали успешным и купили. Подбирая «непризнанных гениев», не нашедших места в тесных коллективах «оборонки», беря порой на реализацию совершенно, по мнению «больших» конкурентов, «безумные» идеи, бек раз за разом добивался успеха, за что его не любили, но ценили и уважали. По крайней мере, до сих пор.

– Контейнер с изделием «Осока», – Абишев не спрашивал, он утверждал. Собственно, именно этот контейнер и был причиной его личного приезда в «чиновничье логово» – Городна-Неве, – а не белые ночи и желанная прохлада, которой в родных степях летом днём с огнём не сыщешь. – Вскрыт?

– Нет. Но он движется, – огорошил известием подчинённый, доставая из рукава повседневного халата планшет. – Покинул склад пять минут назад и сейчас движется по городу в направлении Финского залива.

– Шайтан! – обычно спокойный, как скала, батыр не сдержался. – Организуй людей на наших машинах, я пойду на катере.

– Есть! – молодой монгол, дальний родственник самого Тогжана, буквально испарился раньше, чем договорил, сам же бек обманчиво неторопливо поднялся на ноги с ковра, на котором он по обычаям своей малой родины расположился, презрев мебель, и одним движением привесил семихвостую^[3] плётку на пояс. И только после, уже выходя за дверь, достал свой мобильник.

* * *

– Прости, Абишев-бейсе^[4], но никакой тревоги в арсенале военприёмки нет, – мобильный телефон донёс до бека подчеркнуто-уважительный голос третьего помощника министра обороны и хорошего друга Тогжана – Холмового Игоря. Как ни странно, помощник министра сам был человеком гражданским – учёным и инженером – зато хорошо ориентировался на переднем крае достижений современной науки, в отличие от многих генералов, вынужденно ограничивших свой кругозор рамками выбранной когда-то учётной

специальности. За что Холмовой был людьми государевыми ценим, в положении третьего помощника пребывал уже со вторым военным министром и, скорее всего, имел все шансы и после третьего продолжать заниматься своим делом там же. Для частного разработчика вооружений – идеальный друг.

– Отсутствие тревоги означает, что контейнер собираются вернуть после изучения, – меланхолично озвучил своё мнение бек. Связь поверх гражданской линии отдельно шифровалась, и говорить можно было не опасаясь. По крайней мере, в салоне собственного катера. Над головой то и дело проносились то высокие, то низкие мосты: в Петербурге батыр загнал своё немаленькое для катера судно на воздушной подушке к причалу гостиницы, так что сейчас мог позволить себе не отрываясь от организованной погони с хорошим комфортом продолжать важные и конфиденциальные переговоры. – В этот раз я отказался подать иные документы, кроме спецификаций, мои сервера не доступны через Сеть, и единственный способ изучить содержимое – вскрыть прибор.

– Там же наверняка пломбы стоят...

– Не сомневаюсь, что их нарушение поставят в вину мне же, – несмотря на ситуацию, усмехнулся Абишев. – И уж тем более пломбы не остановят наших западных «друзей», решивших узнать, почему будут слепнуть их радарные системы. Занятно, я ведь ещё не демонстрировал «Осоку», на слово поверили... Репутация.

– Ты же понимаешь, что раз у тебя такое обвинение, то я должен лично найти и зафиксировать нарушение порядка хранения: без высокопоставленной «крысы»... нескольких крыс такое наглое похищение не организовать, – после короткой паузы устало отозвался Холмовой. – Если я подниму тревогу, следов уже не найти будет...

– Так и делай, – согласился батыр. – А я пока займусь контейнером. Извини, что оторвал тебя от семейного ужина.

– Да что уж теперь-то...

* * *

Перехватить машину с контейнером люди бека ожидаемо не успели. Достаточно посмотреть на карту города, полумесяцем обнявшего залив, чтобы понять наиболее простой и реализуемый способ утащить и спрятать чужое имущество: попробуй найти нужный катер или яхту среди сотен, если не тысяч, малых судов. Если, конечно, груз не оборудован сверхсовременным тревожным приводным маяком, который очень сложно найти, если не знать, где и как искать. Вырулив из переплетения каналов, малое СВП-судно бека Абишева немедленно продемонстрировало все те преимущества, что имеет корабль на воздушной подушке на спокойной воде... или в бескрайней степи. Очень, очень удобная это штука – личный катер-амфибия. Быстрый, мели не страшны, и поставить можешь всё, что захочешь, кроме бортового оружия, разумеется. Впрочем, зачем ещё оружие, кроме данного предками, если ты и сам – адепт Пути Воина? По крайней мере, на небольшой прогулочный катер его, батыра Тогжана, точно хватит. Проблема была разве что в том, что катер – под шведским флагом, дополненным рыцарским вымпелом... Впрочем, сейчас это была ИХ проблема.

– Маяк они нашли, – на секунду высунулся из люка один из четырёх бахадуров, составлявших личную... ну, не охрану – скорее свиту бека. Князь всё-таки – на официальные

мероприятия без свиты невместно. Заодно и накормить, и катер вести есть кому... и добры молодцы постоянно под присмотром наставника, что не даёт свернуть не туда при постижении трудного родового Пути степного воина.

– Не страшно, – скорее сам себе, чем скрывшемуся ученику, сообщил стоящий у леера монгол. – Я уже их вижу...

На катере преследователей тоже заметили – связать найденный маячок и прущий «на всех парах» далеко не тихий и высоко сидящий над волнами катер на воздушной подушке было проще простого. Судно воров взревело двигателем, махом выходя на глиссирование... и расстояние продолжило сокращаться: небольшой личный кораблик бека имел максимальную скорость процентов на двадцать выше. Абишев терпеливо дождался, пока расстояние между судами не сократится до километра и швед не начнёт вопить в эфир на аварийной частоте о «необоснованном преследовании и попытке тарана», и, не торопясь, полным гордости движением поднял с палубы и установил в специальный держатель копье-«сигну»: этакий национальный вариант стяга из развевающихся конских волос, лент и прочей красоты. Хорошо быть диким батыром-коневодом из диких монгольских степей: пожалуй, подними свой вымпел русский боярин или ханьский гойзу^[5], засевающий на шведской посудине потомок захудалого дворянского рода мог бы и попытаться уйти, пока катера береговой охраны зажимали бы «преследователя» (и попробуй погранцам быстро чего докажи). Сейчас же, едва разглядев сигну, оба катера «береговиков» замедлились до скорости судна Тогжана и пошли параллельными курсами: не такое уж нынче частое явление – Поединок Чести. Наверняка все свободные от вахты сейчас прилипли к иллюминаторам с биноклями в надежде рассмотреть подробности. Вот, точно, шведы начали сбавлять ход: наличие благородного на борту, в другое время почти гарантированно исключаящее осмотр катера, теперь вынуждало этого самого «благородного» предоставить преследователю возможность честно себя атаковать. Честно – это значит на родовом оружии... которым у Абишева, кроме плетки-семихвостки, значился ещё и мощный боевой лук. И первой же стрелой он намеревался «промахнуться» по двигателю прогулочной лодки: от отца он научился не только вечным истинам Первого Пути^[6], но и ещё кое-чему. Расстояние быстро сокращается – ученик, управляющий СВП-судном, тоже сбавил обороты... Ещё чуть-чуть... На палубу шведа выбрался худощавый молодой пацан с длинным прямым мечом и – надо же! – в облегчённом подобии лат без шлема... Батыр резким движением подхватил с палубы лук, натягивая тетиву... и заполошно заоравшее чувство опасности заставило его со всей силы оттолкнуться от борта катера.

– КХРРРАКХ!!! – оглушительный грохот едва не разорвал барабанные перепонки, толкнув в спину. В воду бек-оружейник упал, уже лишившись сознания. Очнуться ему будет суждено только два месяца спустя, когда тренированный организм адепта всё-таки справится с последствиями близкого удара рукотворной молнии, превратившего судно на воздушной подушке в пылающие обломки. Узнав, что четверо находящихся на борту учеников-бахадуров не смогли покинуть катер столь же вовремя и погибли, швед под шумок успел отойти в сторону и незаметно утопить контейнер, а «мага»^[7] (одного ли?), ответственного за атаку, так и не нашли, он только мрачно кивнёт.

За четыре года до начала событий

Самые невероятные красоты – природы ли, творений ли рук человеческих – могут стать

обыденными, если подолгу жить среди них. И в рвущихся ввысь громадах американских мегаполисов, и в глухой непролазной сибирской тайге, и в бесконечности арктической тундры, и в сплошной зелени тропических джунглей есть своё, неповторимое очарование – для тех, кто приехал туда его увидеть. Для местных же – фон и фон, ничего такого. Даже если утром приходится кочергой медведя от поленницы отгонять или же, скажем, вечером вокруг юрты класть петлю аркана из конского волоса – от змей и скорпионов. Рутинная – не меньшая, чем, скажем, регулярно платить за бытовые удобства и пытаться ежедневно не опоздать на работу, не попав в аварию в большом городе. Можно ещё и поспорить, где человек страдает и напрягается больше... Однако, привыкая к особенностям места жизни своего, человек незаметно и неотвратно меняется и сам. И меняется тем сильнее, чем более сурова красота и чем более грозит она необоримыми случайностями, превозмочь которые не в человеческих силах, а можно лишь узнать по незначительнейшим признакам о приближающейся угрозе и вовремя убраться... если получится, конечно. Иногда человек настолько сживается с этими угрозами, настолько становится гармоничен фону, что и сам из категории «лишь жителей на некой территории» переходит в категорию «местных красот», органично вплетающихся в пейзаж.

Наверное, более всего явление сие иллюстрируют те люди, семьи и народы, что живут среди гор. Могут в известном смысле с ними потягаться лишь туземцы с небольших океанических островов, отрезанные друг от друга сотнями и тысячами километров солёной воды... Вот «рыбьи хляби» от «костей земли» отличаются всеместно: волны – само непостоянство, а горы – те же, что стояли тысячи и десятки тысяч лет. Застывшая в камне стихия располагает к таким же изменениям в людях: жители как бы учатся у камней твёрдости взглядов, чувству родства в чередующихся поколениях и весомости решений. Камень долго может лежать на одном месте, но если скатился и начал падать – попробуй, останови...

Боярин Салтыков Всеволод

– Ты понимаешь, о чём просишь меня, друг? – после длинной паузы, во время которой молодожаво выглядевший боярин как будто советовался с видимыми в огромное панорамное окно горными вершинами, развернулся к беку Абишеву Салтыков. – Тебя едва не убила молния, сведённая с небес нечистым на руку колдуном, а ты хочешь, чтобы я инициировал ритуал, который, будь я язычником, назвал бы воззванием к богам...

– Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет пророк его, – бек не отрывал взгляда от потомственного отшельника: семья Салтыковых уже какое поколение проживала в пожалованной когда-то самим Иваном Пятым вотчине среди Гималайских гор, куда ходу посторонним или случайным людям практически не было. – Бог есть дух, не важно, как зовём его и каким именем величаем. Его сила не в Силе, но в нас, его детях... а тех, про кого ты сейчас говорил, просто нет. Есть Сила.

– Но одним Сила отвечает и подчиняется, других же игнорирует, – изогнул губы в подобии улыбки хозяин поместья. – Ритуал, о котором ты пришел просить меня, есть суть обращение к Силе, воззвание к Её воле – которую ты как раз отрицаешь... и результат может тебе совершенно не понравиться. Я уже молчу о том, что это не маленький шарик огня и не Маскировочный Купол – вмешательства такой категории по-настоящему раскачивают мировое Равновесие... Это ведь не какой-то там фиглярский фокус, не использование явления природы, которое и само так или иначе произойдёт – это настоящее Чудо. А чудеса, знаешь ли, просто так не происходят... и никогда не проходят бесследно. Мир, как бы

пафосно это ни звучало, после вмешательства уже никогда не станет прежним. Уж поверь тому, кто в этом действительно разбирается.

– Именно потому ты оказался последним в списке тех, к кому я обращаюсь, – теперь настала очередь бека улыбаться... вот только улыбка вышла весьма недоброй. – Но, извини, если люди, толкующие про «защиту мирового равновесия», собираются из-за этой философской абстракции разрушить мою страну, то я уж тем более не желаю сдерживаться.

– То есть ты решил потратить данное ещё твоему прадеду право обращения к Вратам Белой Лебеди, как способ не складывать все яйца в одну корзину?! – Всеволод так удивился, что перестал привычно шуриться. Морщинки, покинувшие уголки глаз и лоб, разгладились без следа, и сразу стало заметно, насколько сильно боярин внешне отличается и от славянина, и от ханьца, и уж тем более от казаха или араба. Оставалось только гадать, как же выглядела много столетий назад та самая дева-Лебедь, по преданию ставшая женой первого представителя рода Салтыковых, чьи черты не изгладились в потомках за столько поколений.

Сам безвестный основатель боярского рода, тогда ещё безродный витязь, оказался лихим рубакой и стрелком, а уж при поддержке колдуньи великой силы, вернувшись в родную станицу, и вовсе смог сколотить собственную невеликую флотилию, живущую исключительно пиратством да контрабандной торговлей. Корабли лихой четы сопровождали караван царевны Софьи Палеолог – некоторым врагам греки предпочли заплатить за защиту немалого приданого, перевозимого за знатной невестой, и ничуть не прогадали. За свою внешность чудесную и мудрость неземную рекома Лебедь, уже не девица, легко вошла в свиту откровенно скучающей дочери базилевса, да так в ней и осталась. И вроде как поучала детей багрянородной и московского кнеса сотне сотен премудростей. А дети детей тех, собирая наследство распавшейся Золотой Орды, дошли аж до самых вод Тихого океана, переплюнув достижения ордынских ханов, обломавших когда-то зубы о великую империю Хань. Точно известно, что в этом походе сопровождал Ивана Пятого и наследник Салтыковых, и свершил нечто, за что его пожаловали укрытой от глаз людских горной долиной... и подозрительно быстро забыли. Впрочем, и немудрено то: первый Император что есть сил старался решить всё множасьщиеся внутри- и межцерковные конфликты, и сильный независимый колдун в свите, вызывающий одинаковую ненависть как православных священников, так и буддистских монахов, и учителей-даосов, откровенно говоря, мешал. Про способности Салтыковых очень быстро забыли, а историю так умудрились перевернуть, что по сравнению с народными сказками о «Царевне-Лебеди» баллада о короле Артуре, повествующая о в общем-то аналогичных событиях (что наводит на разные мысли, да), кажется предельно историчной летописью. Умный мужик был прозванный Победоносцем, и тайная служба государева, опричной зовущаяся, у него уже была. Другой вопрос, почему сама царская фамилия утратила знания о таком, прямо скажем, стратегически важном оружии – уж кем-кем, но дураком, способным случайно забыть такого сподвижника, первый император не был.

Бояре же Салтыковы, хоть и стали полузабытыми отшельниками, в большой мир из своей уютной долинки выбирались регулярно – однако же внимания всеобщего на себя старались больше не обращать. Не было у них богатств особых, и мудрость наследную свою великую абы кому они не собирались демонстрировать, и уж тем более власть над Силой. И вот случилось так, что влюбился боярин юный в девицу знатного монгольского рода, и

мудрость никакая не помогла. Тогда, испробовав все способы и уговоры, предложил он от отчаяния великий калым: своё мастерство призвать в Мир людей из ниоткуда, но не абы каких, а тех, что нужны: так когда-то на берег донской прямо из воды подняла на помощь любимому Лебедь отряд закованных в броню воинов. Уж как убедил добрый молодец Салтыков старика-монгола, что взаправду нечто такое может, неизвестно, но не стал пользоваться правом своим старый бек. Отдал красавицу-дочку, и приданое собрал, и в шатёр свой ввёл с великим уважением... а сам стал пользоваться мудростью молодого зятя. Как пользовался и его старший сын, обращаясь к наследнику Салтыковых, и сын сына, а вот теперь правнук решил, так сказать, обналичить депозит.

– Я не уверен, что предпринятые мною шаги дадут нужный эффект, а нужна гарантия, – мрачно признался после паузы Тогжан. – Никто не воспринимает постоянно нудящих о самоограничении балахонников как серьёзную угрозу, все как будто ослепли...

– Или ты стал одержим своей идеей после того удара молнией, – мягко укорил друга и дальнего родственника маг.

– Ты бы тоже стал, если бы тебе в лицо из-под капюшона толковали о «естественной природе редкого катаклизма».

– Так может...

– Не может! Я почувствовал угрозу, я почувствовал волю твари, нанёсшей удар. И я лично слышал, как другой урод толковал о том, что понятие равновесия надо понимать шире.

– У тебя всё равно нет никаких доказательств, только косвенные, которые можно повсякому толковать, – попытался в последний раз достучаться до бека Салтыков... и сразу понял – бесполезно. – Ладно. Я сделаю, что ты просишь, но это... потребует от тебя некоторой подготовки. Одного в толк не возьму – чем тебе поможет один или несколько человек, пусть и из другого мира? Я уже тебе говорил – люди оттуда ничем принципиально от нас не отличаются, и вряд ли смогут что-то, что не сможем мы сами...

– Увидишь. – Мрачная улыбка опять посетила лицо бека-оружейника. В отличие от друга, из-за родового воспитания продолжавшего считать, что сила – она только в способностях или, в крайнем случае, в том, насколько человек смог уйти вперёд по Пути, Тогжан думал иначе... Можно сколько угодно продолжать считать, что Мировую Войну Великая Империя смогла выиграть «благодаря самоотверженности всех жителей» и «переходу Ордена Равновесия на сторону имперских войск», как написано в учебниках. А на самом деле войну выиграли простые парни, из которых только единицы дошли даже до звания адепта Пути – а всё потому, что в руках они сжимали первый, ещё тяжёлый и неудобный пистолет-пулемёт сержанта Фёдорова, а через их головы били по фронтовым тылам врага реактивные снаряды лейтенанта Тихомирова^[8]. Победу могут обеспечить всего несколько человек – способных реализовать грамотно сформулированное техническое задание.

За 4 года до начала событий

Российская Федерация, 2012 год от Р. Х.

Чудес не бывает. Любой здравомыслящий человек, будь он менеджер по продажам, бухгалтер, священнослужитель, даже самый искусный «маг и волшебник», вроде Копперфильда, или самый экстрасенсорный экстрасенс это знает. Нельзя летать без крыльев, если ты не птица, нельзя дышать водой, если ты не рыба, нельзя надеяться на дружбу и любовь, нельзя хорошо заработать без хотя бы небольшого обмана, нельзя, в конце концов,

заработать на «большой» науке. И уж тем более нельзя надеяться на понимание или хотя бы внимание к себе, если ты не можешь поплёвывать на собеседников с высоты своего финансово-материального благополучия. «Если ты такой умный, то почему такой бедный?» Об этот железобетонный довод разбиваются любые начинания и предложения.

НПО «Вихрь» было образовано в далёком 1995 году и, ни шатко ни валко, умудрилось просуществовать целых семнадцать лет. Люди, которые его основали, здравомыслящими определённо не были. Во-первых, они были тогда ещё молоды, эти люди, и, несмотря на все события вокруг, верили в свою исключительность – и в то, что однажды всё наладится. Во-вторых, они, так или иначе, были связаны не просто с наукой – но и с военно-промышленным комплексом того государства, что ныне частенько именуют «Империей». И в-третьих... ну, скажем так, – они знали достаточно, чтобы понимать, что возможность сотворить чудо собственными руками есть всегда. Правда, для этого нужно было, чтобы в голове находились знания физики и химии, математики и кибернетики, и их более частных разделов: то есть фактически та самая бесполезная лажа, которая очень мешает заниматься по-настоящему важными делами, вроде почти честного отъёма денег у населения и государства в обмен на обещание очередного «чуда»...

Как же продержался на плаву «Вихрь» столько лет, не имея в своём составе ни одного здравомыслящего человека? О, наверное, это была воистину эпическая сага – сумей кто-нибудь описать литературным языком сию историю. Сотрудники НПО успели позаниматься добычей драгоценного металла из утилизируемых микроэлектронных схем и поучаствовать в разработке суперобдувающих вентиляторов для как грибы растущих в России офисов (с импортными кондиционерами тогда всё ещё была некоторая проблема), чинили ротационные фильтры на «полях орошения» Мосводоканала (потому что ни одного инженера, который помнил, «как это вообще работает», сами водоканальщики у себя не нашли), рисовали эскизы несуществующих самолётов и существовать не могущих летающих тарелок в журналы вроде «чудеса и приключения», по приглашению знакомых лётчиков из Кубинки помогали подготовить к полётам на внезапно выделенные пять тонн авиационного керосина последние рабочие самолёты, со слезами на глазах вынимая нужные узлы и детали из их собратьев, в небо подняться более не способных... Были и более прагматичные, почти рутинные подработки – вроде написания программ тестирования для студентов вопреки всему живущего МАИ, написание статей в научные журналы, и даже – только представьте! – успешное участие в нескольких конкурсах на получение грантов от почему-то восплававших жалостью к российской науке филантропов из-за рубежа. Наверное, такой результат тянул на полноценное чудо! Одна беда – группе «чудаков», после без малого семнадцати лет превозмогания над реальностью, больше не хотелось чудес. А хотелось дожить уже свой век спокойно – благо у отдавших пять и более «контрактных», как сейчас говорят, лет Родине, есть возможность уйти на пенсию чуть раньше простых смертных... Правда, не всем.

Далеев Егор

– Ну и как я выгляжу? – большой плазменный телевизор демонстрировал красивую, но несколько утрированно нарисованную с использованием компьютерной 3D-анимации девушку в коротеньком платьице, с огромными – «аниме стайл» – глазами и развевающимися длинными волосами. Анимация, разумеется, по качеству едва тянула на таковую в ранних играх на Сони Плейстейшен-два, да и нарисована, если честно, не мной, – но никакой роли

это решительно не играло. Важно было, что собеседник визуализирован, а пока и так сойдет...

– Полный улёт, Агата! – сообщил я в микрофон. Красотка на экране демонстративно нахмурилась, а к шумам вентиляторов серверной сборки из нескольких стандартных стоек, заполненных серверами, послышался знакомый каждому, кто часто работает на компьютере, «шелест» «плотного» обращения к жёсткому диску. По идее, на фоне гула турбинок охлаждения стоечных системных блоков такой тихий шум должен был теряться, – но вообще: количество разнокалиберных «хардов» было таким большим, что унисонное их «пение» отлично различалось без особого напряжения ушей. На самом деле, большая часть «серверной стены» была полным и окончательным хламом, собранным «с миру по нитке» вихревцами – некоторые машины были аж двенадцатилетней давности, и работали с соответствующей эффективностью. По-хорошему, стоило бы выкинуть всё здесь нафиг и собрать вычислительный кластер на нормальном, современном железе... вот только денег у НПО перманентно не хватало. Ни на что. Ну, хоть зарплату платили...

На своём рабочем месте, обставленном аж четырьмя мониторами (вместо одного, но большого), я мог в реальном времени наблюдать процесс «размышления» самообучающегося алгоритма программы, интерактивно управляющей анимашкой на «плазме»: блок речевого анализа распознал, что именно я ответил, а теперь система принятия решений «шерстила» базы данных на жестких дисках и даже перебирала заданные сайты через Интернет – ища и сопоставляя мою реплику с подобными и подбирая верное значение. Но поиск и анализ были только частью процесса – не самой интересной, на мой взгляд: «Агата» реально училась. То есть программа запоминала не только результат, но и анализировала сам процесс его получения, и делала некий вывод, выстраивая ассоциативные цепочки: если проводить грубую аналогию, именно так образуются условные рефлексy у животных. А у самого продвинутого животного на Земле – у человека – комплекс этих самых условных рефлексов достигает такой сложности, что становится сознанием. Фактически, если отбросить некоторые оговорки и условности, где-то так по моему мнению и должен работать «искусственный интеллект».

Над «Агатой» – моим собственным вариантом «сборки» модулей информационно-управляющей системы «Агат», – последние полтора десятка лет разрабатываемой практически единолично моим непосредственным начальником, Маркуловым Иваном Владимировичем, я тра... корпел последние полгода – после работы, кое-что делая дома и доводя результат по выходным. Именно полгода назад в моей личной жизни наступил полный и окончательный крах (к чему всё давно шло), и я, стараясь поскорее забыть многочисленные неприятные моменты, с головой окунулся в омут придуманного мной интеграционного решения: это когда Система анализирует сама себя и дописывает свои модули принятия решений в реальном времени. Этаким «алгоритм алгоритмов». Да. А ведь ещё те же полгода назад я уже умудрился пройти не только тестирование, но и очень сложное собеседование, и готовился устроиться в отдел автоматизации российского филиала корпорации «Интел». Собственно, и само моё трудоустройство в «Вихрь» сначала на половину ставки, а потом и на полную, прежде всего было продиктовано желанием и необходимостью получить опыт работы с системами реального времени... да ладно, что уж там теперь. Зато докажу шефу, что его (и самую чуточку теперь моя) информационно-

управляющая система способна на нечто большее, чем управлять боевым ударным вертолётom в автономном режиме. Собственно, если сейчас тест пройдёт успешно – прямо завтра, в понедельник, и докажу!

На мой взгляд, работники НПО «Вихрь» буквально помешались на военном применении своего изделия. Даже Маркулов, упорно зовущий свою разработку «БИУС», то есть боевой, а не просто информационно-управляющей системой. Наш спор начался тогда, когда «старички» из постоянного состава вихревской команды слегка «приняли на грудь» по случаю «чего-то там», и я разговорился со своим непосредственным руководителем. Подумал, что момент выбран удачно – и решил втолковать, что конкретно его разработка имеет потенциально широчайшее применение – взять хотя бы нелинейное управление неигровыми персонажами в ММОРПГ... наверно, стоило подобрать другой довод. Шеф... я бы сказал «взъярился», если бы это не было настолько устало и апатично. Мне была поведана та часть истории «Вихря», о которой я не знал. НПО организовали четверо учеников профессора Петра Осиповича Вихро (вот откуда такое название!), когда в девяносто пятом «ящик», закрытый военный НИИ, окончательно распался. И именно оттуда, из лабораторий ВНИИ, была вывезена та груда железа, занимающего целую комнату подвала здания, которое каким-то образом снимало НПО. Не просто груда железа – прототип плазменного оружия. Прототип, который, разумеется, «чуть-чуть не работал». При чём тут вертолёт, по сути дрон, в который в обязательном порядке нужно было устанавливать чудо-пушку, я так и не понял, да и, честно говоря, посчитал разговор отчасти «гоном». Я для Ивана был «штафиркой» – в армии не служил, потому мне можно было «присесть на уши» – в целях формирования правильного образа мысли, и всё такое. На самом деле, как я подозревал, всё произошло ровно наоборот: этот самый профессор Вихро, несмотря на свои семьдесят, по позитивности мышления и способности устроить движуху на ровном месте был вне конкуренции даже для относительно молодого меня. Знал всё, знал всех, преподавал одновременно в Бауманке, в МАИ и ещё читал лекции в МГУ, иногда. Строчил научные статьи, имел многочисленных учеников разной степени маститости, которым помогал, и которые, разумеется, были готовы помочь ему. Думаю, в тяжёлый для страны период именно он выдернул четверых так или иначе потерявших работу и цель в жизни бывших коллег-МНС без степеней, с которыми непосредственно работал в «ящике», и собрал в «место на пересидеть», ну и цель дал, дабы не заскучали. Мировой мужик!

Девушка на анимации перестала хмуриться – процесс формирования облака когнитивных связей занял аж пять минут, – но того стоило.

– Сложно спорить с очевидным, – заявила мне программа с некоторым даже апломбом. Интонация синтезированного голоса была, разумеется, довольно «жестяная», но – сработало, блин! Даже речевой модуль корректно задействовался. – О чём желаешь поговорить, дружок?

Я непроизвольно фыркнул над «дружком» (надо будет посмотреть, почему программа выбрала именно это обращение) и только приготовился сказать следующую фразу...

...«плазму» и колонки я успел выдернуть из розетки буквально за секунду до того, как в рабочее помещение ввалился основной состав вихревцев – целиком. Четвёрка «настоящих полковников» – лётчик, и троица военных инженеров. Бывших.

– Далеев? – как-то особенно неприязненно удивился Кожевников Андрей, лётчик-

испытатель, списанный из действующей армии в начале девяностых «как бы по медицинским». При Петре Осиповиче этот особенно нестигаемый тип был кем-то вроде зама, мы с ним практически не общались. – А ты что здесь делаешь?

– Работаю, – ошарашенно оглядывая компанию, с какого-то перепуга обряженную в камуфляж без знаков различия, машинально ответил я. – По договорённости с Иваном Владимировичем...

– Ваня, это правда? – даже не сделал вид, что слушает меня, обернулся к моему шефу пилот.

– Да, я разрешил, – кажется, Маркулов и сам почти забыл про наш спор. Я проследил за его красноречивым взглядом и мысленно застонал: зная, что в лаборатории НПО никого не будет, я заявился в легкомысленной футболке и шортах. Дресс-кода у нас как бы не было, но мне ещё в первый же день работы старшие коллеги объяснили, «как должен выглядеть настоящий мужчина... кхм, ну или, по крайней мере, просто мужчина». Ну, бессмертное: «даже для шпаков есть три цвета: серый, чёрный и как у спецназа». Особенно меня подвели шорты – потому что они, как в насмешку над коллегами, имели «камуфляжный» окрас: пятна нужных цветов были заменены на силуэты котиков. Ну всё – нудная, мучительная для обеих сторон головомойка обеспечена. Для обеих сторон – потому что отсутствие возможности устроить «младшему по званию» пару-тройку нарядов вне очереди сильно угнетает армейскую психику.

– Ладно, на одного человека больше – это тоже хорошо, – внезапно для меня сделал вывод Кожевников. – Далеев, у тебя двадцать минут, чтобы «потушить» сервера. Начинай.

– Что, все? – мне показалось, что я ослышался. – Но зачем?!

Вместо ответа я получил выразительный взгляд от Ивана Маркулова, последним прошагавшего в сторону лестницы в подвал. «Приказы не обсуждают, приказы выполняют». Тьфу, блин.

Через двадцать минут я уже почти без удивления наблюдал, как каждый из коллег, на манер муравья, тащит тщательно завёрнутый в брезент некий блок: в подвале угловатых штуковин из бывшего «ящика» было в избытке. В голове у меня вертелось всего две мысли: «что за хрень такая случилась?» и «неужели нам впятером сейчас весь этот хлам таскать?». Но, как выяснилось, я не угадал. В лабораторию по второму разу вернулись только Марк Терентьевич – классный спец по авионике – и мой непосредственный шеф. Марк сразу «на рысях» спустился в подвал, Маркулов же остановился у «серверной стены».

– Что смотришь? Помогай, – мужчина коротко оглянулся и подозвал к себе, сопровождая приказ нетерпеливым жестом. – Дамп прошёл корректно? Хорошо, вытаскиваем «Мейнфрейм».

– Что такое случилось, Иван Владимирович? – я помог вытащить тяжеленный «гроб» нашего самого нового сервера, на котором при выключении всей системы сохранялись активные параметры запущенной под эмулятором БИУС. Фактически, имея лишь этот сервер, можно было развернуть новый кластер в любом месте – копии всех файлов проекта «Агат» также лежали на его «винтах». – Нас из здания выгоняют?

– Сам не знаю. Вихро позвонил Андрею, а он нас всех сорвал... – с толикой прорвавшегося раздражения пояснил программист систем реального времени. – То есть у меня есть подозрение... помнишь, зачем Пётр тебя нанял?

– Довести программную часть до демонстрационной версии, – кивнул я. – Так мы...

– Демонстрация заказчику. У меня больше никаких идей нет. А почему всё так через задницу – сам догадайся, – повёл плечом «настоящий полковник»... и неожиданно спросил: – Сможешь нести корпус в руках в одиночку?

– Только недалеко и недолго, – в железке было килограммов под тридцать!

– Далеко и не понадобится... Так, я сейчас принесу брезент – обернём. Долбаная спешка!

В тихом московском дворике, расположенном на западе мегаполиса, обнаружилась серая «Газель» с салоном на манер городской маршрутки. Сервер со всеми предосторожностями расположили на полу, с трудом найдя место между другими упакованными вещами. За водителя уселся всё тот же Кожевников, остальные кое-как разместились в салоне. Последним, с пятым блоком под мышкой, вернулся Марк Терентьевич, и машина немедленно тронулась. Было одновременно и немного тревожно, и любопытно, но скорее второе, чем первое, – может быть, просто потому, что похожая на бегство «спецоперация» выглядела для меня, как начало киношного боевика. Ну, что сказать в своё оправдание? В отличие от окружавших меня «старичков», я действительно ни разу не «нюхал пороху» – как-то обходили меня стороной и детские драки, и тёмные личности в не менее тёмных подворотнях. От армии помог институт, а замеченную на улице ситуацию, которая могла потребовать вмешательства, я всегда старался обойти стороной – так родители воспитали. Ещё повезло, что всё закончилось именно так, наверное...

«Газель» остановилась у края совершенно пустого скошенного подмосковного поля, окружённого стеной деревьев – росшее разнотравье пошло на корм коровам. Просёлочная дорога из серии «превращаюсь в болото после первого дождя» кое-как провела «Газель» к одиноко стоящему «уазу-патриот», у которого обнаружился необычно возбуждённый профессор Вихро... в камуфляже. Не зная реального возраста главы НПО, я бы не дал ему и шестидесяти – мужчина, годившийся мне в деды, а своим коллегам – в отцы, выглядел «как огурчик», несмотря на полностью седую шевелюру. Вот и сейчас Петр Осипович подскочил к пассажирской двери раньше, чем сидящий рядом с ней Маркулов успел выбраться из микроавтобуса.

– Ещё пять минуточек, и вы всё поймёте. – Вот удивительный человек – вроде и попросил, даже не приказал, а все с большим недоумением переглядывающиеся вихревцы послушно позакрывали открытые было для вопросов рты. – Ванечка, вот ты зачем Егорушку нашего-то потащил, да ещё и в таком виде? Нет, всё потом – сейчас некогда. Каждый пусть берёт по блоку – и за мной. Сюда.

– Кхм... Пётр, тут что – вход в секретный бункер? – всё-таки не выдержал мой непосредственный руководитель.

– Сам сейчас всё увидишь, Ваня. Ну, что, всё взяли? Пошли!

Стена деревьев, высаженная у края поля, оказывается, скрывала под собой даже не овраг, а так – пологое углубление навряд ли давным-давно оплывшего рва. Ручеёк, едва способный замочить подошвы ног, тихонечко журчал в тени такой кристально-чистой водой, что на миг мне показалось: просто не может быть такого буквально в тридцати километрах за МКАДом. Я бы обязательно опустил руки в такую чудесную купель, а, может даже, сделал бы глупость и попробовал напиться – вода буквально манила... если бы не чёртов сервер в

руках! Спускаться по травяному откосу, удерживая перед собой угловатую тяжесть, примерно равную по весу мешку картошки, – то ещё удовольствие, а тут ещё и профессор, ничтоже сумняшеся наступивший в воду, остановился буквально передо мной. Невольно пришлось сделать шаг в сторону... и нога едва не соскользнула по мокрым камням, благо завёрнутый в несколько слоёв по самые ручки для переноски системник оказался упёрт в грунт... по КАМНЯМ?! Я вскинул голову и заполошно огляделся – вокруг, насколько хватало глаз, раскинулись близкие вершины гор. Вцепившись в единственный незыблемый предмет в руках, я заторможенно обернулся – за спиной, весело прыгая по обкатанным водой булыжникам и гальке, неслась настоящая, пусть и узкая и мелкая горная река – и дальше поднималась величественная вершина, у подножия которой я неведомым образом оказался. Как будто просто вышел из воды... Стоп, а остальные?!

На берегу стояли четверо довольно молодых мужчин с военной выправкой, лишь отчасти напоминающие мне работников НПО «Вихрь»... Да чёрт возьми! Вот и профессор – и тоже голова больше не седая! И уже бодро здоровается за руку, едва не приплясывая от чувств, с раскосым мужиком восточной внешности... в среднеазиатском халате и сапогах, с плёткой на поясе... так, я что, брежу? И с каких это пор край стоящего системного блока сервера мне достаёт до середины груди... и почему снизу холодным поддувает? И мои руки... такие непривычно маленькие кисти... Я разжал судорожно сведённые пальцы – не без усилий – и поднёс к глазам. Попытался сделать шаг в сторону – снизу зашуршала ткань. Мои шорты... и то, что под ними – они просто с меня упали... а майка вообще висит на плечах на манер платья, доставая до колен... я что, ребёнок?! И где, мать вашу, я?!

Часть 1

«Отдых» на каникулах

Не знаю, кому как, а вот мне иногда снится кошмар: после защиты диплома в университете мне внезапно приходится вернуться в школу – учеником. Мол, аттестат у тебя неправильный, закончи-ка ещё раз десятый и одиннадцатый классы. И что интересно – во сне я каждый раз покорно тащусь в свою старую школу и влезая за парту... и просыпаюсь чуть ли не в холодном поту! Да уж... ну, что сказать – не всем везет на дружные классы, школьные братства и дружбу, тянущуюся через годы. А мне ещё и «повезло» получать общее среднее образование именно тогда, когда доставшуюся молодой и уж-жасно демократической Российской Федерации в наследство от СССР систему образования отчаянно трясло и шатало в шторме «перемен к лучшему»: в программу то вводили новые предметы, по которым не было учителей, то упраздняли старые, добавляли и убирали классы – внезапно выпускным оказался не десятый, как раньше, а одиннадцатый. Из-за чего я, кстати, чуть не отправился сразу маршировать по плацу в учёбке вместо законного шанса поступить в вуз – военкомат такие «мелочи» не волновали. В общем, если подумать, я ещё и легко отделался – поступил на бюджет (тогда это было ещё относительно просто), отучился, получил профессию. Пусть и потратил вагон нервов, сдавая ВУЗовские экзамены сразу после школьных выпускных: ЕГЭ тогда ещё и не пахло, и вся процедура была больше похожа на помесь телевикторины «Что? Где? Когда?» и дурацкой лотереи. Не прошёл по конкурсу? Утешительный приз – кирзовые сапоги и диетическое питание перловкой на два года! Тьфу, блин... Так что редкий ночной кошмар – фигня: главное, всё в прошлом. Достаточно проснуться, чтобы вернуться к реальности, где я уже взрослый дядька-программист... Шайтан!

Заткнув программу-будильник на планшете, я выбрался из-под одеяла и поплёлся в ванную. Из зеркала над раковиной на меня хмуро посмотрел заспанный подросток – юноша лет шестнадцати на вид. Говорят, в одну реку нельзя войти дважды, – но мне как-то удалось. То ли свою роль сыграло то, что я прошёл ритуал «Врат Белой Лебеди» без должной подготовки, то ли сволочное заклинание посчитало меня «недостаточно воином», то ли я и впрямь подспудно ощущал себя на двенадцать лет психологического возраста... в общем-то это и не важно. Факт: я, Далеев Егор Александрович, программист и системный администратор, без пяти минут специалист по системам реального времени, вновь стал ребёнком. Ребёнком со знаниями и личностью взрослого. Впрочем, надо признать – на фоне перемещения в другой мир значимость изменений лично во мне несколько блекла. Ну и возможность прожить минимум на двадцать с хвостиком лет больше, чем в родной реальности дорогого стоила – это не считая такой «ерунды», как гарантированная работа по любимой тематике и с зарплатой, что в России 2012 года мне точно не грозила. Если бы не шайтанова школа...

Кое-как умывшись и одевшись, я поплелся завтракать – официально место, где все «попаданцы», включая меня, прожили последние четыре года, считалось частным санаторием «Каменный цветок» и функционально полностью своему гордому званию соответствовало. По крайней мере, в надземной своей части – четыре корпуса, построенные квадратом, содержали всю необходимую для проведения лечебных и рекреационных

мероприятий инфраструктуру, включая немаленький бассейн, спортивный зал, различные медкабинеты, жилые номера разной степени комфорта – и конечно же столовую. Отличное место, чтобы провести уикенд или даже отпуск... если кому-нибудь пришла бы в голову светлая мысль проделать это посреди знаменитой на всю Империю монгольской степи!

Вообще-то, стереотип, что Монголия – это одна сплошная степь, ошибочен. Есть в нашем округе и горы, и реки, и большие озёра, и леса-заказники есть – на севере. Есть небольшая пустыня, с песками и такырами – на юго-востоке, даже своя тундра есть – высокогорная! Разве что берега моря нет. Другое дело, что степь территориально и, как бы это сказать... морально, что ли? – довлеет над остальными ландшафтами. По Монголии можно идти много дней и не увидеть ни единого деревца, ни единой возвышенности или иной заметной детали рельефа... Именно потому ходить по степи пешком строго не рекомендуется. Запросто можно заблудиться – особенно если ты не местный – и умереть от обезвоживания после длительных мучений буквально в двадцати километрах от человеческого жилья. Это если летом. Зимой пронизывающий ветер и внезапно упавшая до минус пятнадцати температура убивают гораздо быстрее и гуманнее. Суровое место, но, как ни странно, довольно безопасное, здесь стоит только соблюдать правила и знать местную специфику. Кто живёт здесь хотя бы пару лет – всё знает, а кто только приезжает – тех быстро вводят в курс дела. Ну а кого не вводят... степь большая, да. В общем, идеальное место для того, чтобы поселить шестерку сильно чужих этому миру попаданцев.

Думаю, не будь у Абишева уже готового такого вот местечка, он бы его чисто ради нас построил. При этом не сказать, что нас старались как-то отгородить от местного общества – скорее даже наоборот, наш наниматель приложил значительные усилия по социальной адаптации иномировых специалистов... но тут у него, как ни странно, вышло не все гладко. Проблема появилась там, откуда не ждали – мои коллеги по НПО неожиданно проявили просто потрясающую твердолобость. Только сам профессор Вихро и я сейчас были способны при желании более-менее самостоятельно прожить вне стен «Каменного цветка», а вот четвёрка вихревцев предпочла с головой закопаться в работу, отрываясь в основном на сон и еду... и на некоторых симпатичных «горничных», как я подозреваю. С другой стороны, насколько я сам могу судить, тут такая преданность делу и нанимателю весьма и весьма ценится – потому обслуживающий персонал и «отдыхающие» из личной дружины Абишева просто закрывали глаза, если «уважаемые ученые» в очередной раз допускали неловкость или бестактность. А на все попытки обратить внимание на подобные факты мне неизменно отвечалось: «вот закончим Проект, а там...». Ну, как говорится – Бог им судья. Мне бы со своими проблемами справиться...

Столовая встретила меня яркими косыми солнечными лучами из окон и пустотой: дружинники Абишева, привыкшие жить по своему расписанию, уже поели, а немногие гражданские работники КБ или одного из предприятий «оружейного бека», с какого-то перепугу решившие провести отпуск, не выбираясь за пределы родной степи, – те ещё спят, счастливики. По-хорошему и мне не стоило выделяться из коллектива – однако меня прямо-таки заело: ребячество, конечно, но... каникулы у меня начались или нет? Хотя, конечно, правильный ответ «или нет» – здесь к работе, службе и учёбе отношение куда более серьезное, чем на покинутой мною родине, и летняя практика – к посещению обязательна,

причем у местных даже в голову не приходит попытаться от неё отмазаться... из тех, кто на неё всё-таки попал. Тот самый знаменитый «восточный менталитет», ага. Блин... Да что говорить – тут даже русский язык заметно отличается от нашего: огромные восточные территории округа Хань со своим культурным наследием и населением чувствительно влияли на остальные округа страны. Впрочем, об обратном влиянии тоже забывать не нужно...

Проклятье. Надо поторопиться уже. Пусть «автобус» до Ундерхаана сегодня повезет только меня, но совсем наглеть тоже не стоит – транспорту сегодня туда-сюда ещё несколько раз придется мотаться. Шайтан, поел – и опять в сон потянуло... Только не надо думать, что я вместо полезного сна прозанимался какой-то фигней: смешно, но я в прямом смысле... эээ, заработался. Моя часть Проекта вышла наконец на что-то, напоминающее финальную стадию... Точнее, её туда выпихнули пинком, что спокойствия само по себе не добавляло. Несмотря на свой текущий биологический возраст и то, что присоединился к НПО позже всех, лично моя ответственность от этого меньше не стала. Честно говоря, я вообще не очень понимаю, как наш босс всё это санкционировал: авантюра же чистой воды, если так подумать! Совсем не похоже на Абишева... При этом освободить меня от бесполезного сидения на практике в школе всю первую половину лета никто даже не подумал – положено же. Наверное, я этого никогда не пойму...

– Привет, Тархан, – привычно поприветствовал я пилота «автобуса» и получил в ответ меланхоличный кивок. Да-да, я не оговорился – именно пилота: пассажирский «шаттл», обычно возящий людей и их багаж от владений Тогжана Абишева до города Ундерхаан и назад – катер, точнее Судно на Воздушной Подушке, СВП. Лично я пользовался аппаратом больше всех – зимой, весной, осенью каждый будний день Тархан вёз меня в город, учиться, и подбирал после занятий. Обычно, зная расписание единственного школьника на весь «санаторий», всегда находились попутчики, но я уверен – машина продолжала бы ходить и ради меня одного. Тут это в порядке вещей: ребёнок должен учиться, и – точка. Да что там говорить – я лично знал пару одноклассников, ради которых ежедневно гоняли с удалённого военного городка десантный Ми-8!

Да, тут следует дать небольшое пояснение: в этой Монголии далеко не так пустынно, как в той, оставленной мной в другом мире. Того же Абишева знает вся округа, но не сказать, что он прямо так сильно выделяется со своим экзотическим бизнесом. Более того, никто не удивляется, что высокотехнологичным оружием занялся монгольский бек – регион тут такой. Территория округа просто идеальное место для размещения военных аэродромов и баз, артиллерийских и прочих полигонов – вообще-то тут больше почти ничего и нет. В сухой степи не растёт ничего, кроме степной же травы, не самой сытной пищи для овец и лошадей. По сравнению с другими нечерноземными регионами Империи коммерческая эффективность скотоводства тут под большим вопросом. Зато военных объектов тут как блох на собаке – даже космодром есть. Такой секретный, что местные с удовольствием пересказывают друг другу байку – мол, это единственная территория во всей Монголии, по периметру которой везде стоит забор! Завирают, разумеется – заборы есть не только вокруг космодрома, но байки, что кто-то отправился в степь, улёгся полюбоваться звёздами и мгновенно протрезвел, потому что в ста метрах упал крупнокалиберный снаряд, тут рассказывают регулярно.

Впрочем, тут почти все разговоры или об армии, или крутятся вокруг – при такой концентрации оборонных объектов на единицу территории и отсутствии любого другого выбора, чуть ли не девять десятых всех жителей так или иначе служат или работают по свободному найму на ВС Великой Империи. Мужчины чаще служат, женщины – чаще работают, как прикомандированные гражданские специалисты, хотя в местную армию принимают без различия по полу, и получить погоны на плечи – вопрос только собственного желания. Есть и военная обязанность – точно такая же, как в моей родной РФ. Правда, в отличие от России, вяловато действующей на фронте агитации службы в Вооруженных Силах^[9], Великая Империя очень хорошо смогла поставить этот процесс. А уж в Монголии, где, кроме армии, выбор возможной работы очень небольшой и не самый интересный, практически все жители от мала до велика вообще готовы подписаться под словами «не служил – не мужчина». С другой стороны, в тлеющие очаги «горячих точек» здесь всегда посылают только добровольцев, а вынужденная аскеза и регулярность жизни вкупе с физическими нагрузками дают хороший шанс сдвинуться с «мёртвой точки», двигаясь по одному из двух официально поддерживаемых государством Путей...

Я развернул на планшете окно терминала, занёс руку над виртуальной клавиатурой – и с раздражением спрятал компьютер назад в сумку: башка совершенно не варила после вчерашнего. Оставалось уставиться в окно – монотонный пейзаж, не меняющийся в течение всей поездки, действовал даже на хорошо выспавшихся людей, благо СВП-«автобус» двигался так плавно, как будто действительно шел по воде. Степь только кажется ровной как стол – тут есть и холмики, и норы пресловутых сусликов, которые никак не разглядишь в траве, а вот чего нет – так это дорог. Точнее, дороги есть – временки, накатанные армейскими грузовиками с огромными колёсами, которые для любого другого наземного транспорта проходимы мало – ну, кроме БТР и танков, конечно. Излюбленное средство передвижения коренного населения тут – кроссовый мотоцикл: тоже можно въехать куда не надо, но не опаснее, чем на лошади. И гораздо быстрее. Тут у большинства парней двухколесные средства передвижения лет с двенадцати-тринадцати – а иначе «не пацан!» Для местных монголов степь как дом родной, а вот регулярно теряющихся деток офицеров ищут по персональным спутниковым маячкам – ещё одна штука, без которой ни один нормальный человек за дверь не выйдет, даже взрослый. Впрочем, как я уже и говорил, Степь всё равно регулярно получает свои жертвы – вышел и растворился в бескрайних просторах, как кусок сахара в горячем чае. Кости иногда потом находят – случается, что и через десяток лет...

Вот шайтан! Похоже, заснуть мне тоже не удастся. Мысли о работе мешались с мыслями о школе, и так по кругу. Причём если по Проекту волнения были скорее в положительном ключе – сработают последние правки к процессингу алгоритмизации или нет, то вот долбаная летняя практика вызывала один негатив. Можно сколько угодно говорить себе о том, что я взрослый человек в теле ребёнка, и мнение так называемых сверстников меня не колышет, – но более приятной ситуация, когда на тебя смотрят как на кучу мусора, не становилась. А что смотреть сегодня будут именно так – я просто не сомневался. Почему? Опять «местная специфика».

Как я уже и говорил, кроме армии, в Монголии податься практически некуда: частники вроде Абишева набирают свои дружины и другой младший персонал из своих родственников и потомственных вассалов – постороннему в тот же «Цветок» просто не попасть. Правда, это вполне оправданная мера – секретность получается на уровне... но я сейчас о другом. Итак, армия. В современной армии, очевидно, нельзя без специальности, а специальность можно получить либо в учебке – то есть путём вдалбливания в голову информации со скоростью звука голоса препода-прапора, либо в военно-техническом училище – это что-то типа колледжа, или, как там их раньше называли, ПТУ. Тут, соответственно – ВТУ. Программа за десятый-одиннадцатый класс идёт с заметным сокращением (за счёт классической литературы, языков Империи и прочих гуманитарных предметов), зато учат водить как минимум машину, а то и лёгкий самолёт (тут, в Монголии, это актуально), стрелять из ручного лёгкого и пехотного тяжёлого оружия (а что ещё надо мальчикам «со взором горящим?»), и паре «перекрёстных» специальностей на выбор – связист-электронщик, санитар-парамедик, РХБЗ^[10]-лаборант, логист-экспедитор, бухгалтер-интендант – ну и так далее. Плюс штатные инструкторы пути Духа – всё, как «в большой армии», – включая гарнизонный режим, лёгкую форму шагистики и форму «совсем военную» с погонами и прочими виньетками. Нет, ВТУ срок службы не сокращает – наоборот, солдат (обычно после ВТУ как минимум сержант) служит те же два или три года – пропуская учебку. И на полгода

больше получает зарплату, разумеется, а в ВТУ у курсантов с головой на плечах нет проблем и со стипендией... А вот за старшие классы хорошей школы часто приходится и заплатить. Понимаете, к чему я клоню?

Девятый класс школы заканчивается выпускными экзаменами – в ВТУ берут (и начисляют первые полгода стипендию, что для многих важно) по их результату. Экзамены, как и положено, идут и заканчиваются в мае, а в начале июня мальчики наиболее... изобретательно-активного возраста уже стригут волосы и отправляются в «летний лагерь подготовки ВТУ» – короче, подальше от возможности что-то учудить «пока можно». Девочки, решившие пойти по армейской карьере, могут сделать то же самое – ВТУ, армия и контракт. Собственно, так и делают... где-то в Великороссии или в Сибири, – но только не здесь. Патриархальное, чтоб его, общество... Школы, под соусом подготовки «к двум самым серьёзным годам обучения», а на самом деле, видимо, чтобы не вызвать ненужный социальный дисбаланс, перед десятым классом делают летние учебно-практические лагеря. При этом «практика» почему-то считается отдыхом, а не учёбой... В итоге получается, что я должен каждый день переться в школу, где на трёх (ТРЕХ!) оставшихся парней приходится шестьдесят две девчонки – то есть на четыре пятых ученицы параллельных классов, мне практически незнакомые. И смотрящие на, по их мнению, бесхребетных слюнтяев, как на тараканов каких-то! Мне было решительно непонятно, ради чего я должен был всё это терпеть: я ещё по прошлому миру примерно представлял, что такое «трудовая практика», и не питал иллюзий, что тут она организована как-то лучше. То есть у толпы подростков на пике гормонального фона будет масса свободного времени на «красить вот эту стену до обеда» и практически никакого контроля – самое оно, чтобы оказавшаяся в большинстве социальная группа вдоволь подоставала меньшую. Фигня, если с точки зрения взрослого человека, но как же меня это напрягает: кто станет первой целью насмешек, я даже не сомневался.

Что поделаться, я, иномирянин, даже сейчас всё ещё... выделялся. А дети и подростки как никто другой это остро чувствуют. Особенно тяжело пришлось в первые полгода – уж слишком сильно мои собственные интересы и чаяния лежали в отличной от других плоскости. Сверстники, двенадцати-тринадцатилетки обоих полов буквально бредили Тренировками, Практиками, Путями (обязательно с большой буквы!) – и напропалую хвастались друг перед другом своими «достижениями». Понять я этого никак не мог – восточная мишура по поводу личной силы и Просветления для меня казалась лютым бредом, а описанные в литературе возможности редких адептов, постигших вершины своего Пути... ммм, скажем так – несколько приукрашенными. В чём смысл заниматься изматывающими физическими тренировками, я ещё мог понять, – но вот аскеза и медитации, вместо того, чтобы как можно усерднее забивать податливый пока ещё мозг необходимыми знаниями? И это всё ради того, чтобы через несколько лет получить возможность таскать у пояса железку или плётку, бесполезную в общем-то против даже пистолета? От «сверстников» внятных объяснений добиться было невозможно, а от Тогжана, которого мне случайно удалось застать во время одного из редких визитов в лабораторию, я услышал лишь «это надо понять самому». И только спустя ещё полгода до меня постепенно начало доходить, насколько я ошибался...

Концепция понятия «Путь» оказалась одновременно очень простой и невероятно сложной штукой. Философским понятием, которое объединяет в себе совершенно несовместимые на первый взгляд вещи. Примерно как «Коммунизм». Да-да, это не шутки – Путь это... дорога жизни, что ли. Искусство, инструкция и желание укладывать ВСЕ свои поступки в определенном ключе... м-да. Это и ещё множество определений можно найти в книгах, и они точно так же не приближают к пониманию сути явления. Ладно, остановлюсь на том, что Путь – это сплав веры (не религии!) и социальных воззрений, который, при следовании ему, гарантированно позволяет достичь зримых результатов. Причём получается, что возможность выше прыгать и сильнее бить и творить «чудеса» – это сильно побочный эффект... Всё, я сдаюсь. Наверное, ЭТО невозможно взять и просто объяснить словами, только почувствовать самому. Только скажу, что ничего похожего на учение о Путиях за пределами границ Великой Империи так и не появилось и не прижилось. Боевые искусства есть, магия есть, религии есть, в том числе и государственные, – но нет ничего, что объединяло бы их, увязывало между собой и обыденной жизнью. Это я, кстати, тоже узнал далеко не сразу...

...Меня потянуло вперёд – винты СВП перешли на реверс, и катер оттормозился, аккуратно наехав на асфальт улицы. Это ещё одна милая местная традиция – строить обрывающиеся в никуда концы улиц, выходящих за пределы города. Резко так – есть прекрасная асфальтированная дорога, дома по бокам, освещение, магазины, все дела... и вдруг бац – степь, и только веер колеи во все стороны разной степени разбитости и зарослости. Давящий на уши даже в салоне гул стих – роторы остановились, и я, кивнув пилоту, спрыгнул с середины трапа на мягко спружинившее под ногами дорожное покрытие. Мягкое не потому, что асфальт такой особый, а потому что южное солнышко запросто разогрело его градусов до тридцати пяти, и это был ещё не предел. Ещё одна причина, почему местные любят путешествовать с утра – по сравнению с кондиционированным салоном «автобуса» на улице было сущее пекло: как в духовку добровольно влезть. А мне ведь ещё до школы шагать и шагать...

Вообще-то, улицы вполне могли пропустить «автобус» и до самой школы – отношение к правилам дорожного движения в Монголии тоже... своеобразное. Ундерхаан не настолько большой город, чтобы жителям приходилось часто использовать личный транспорт в черте города, а улицы специально сделаны очень широкими – на зависть магистральным шоссе в других регионах. Потому СПВ-рейсовики и переставленные на колёса низкого давления армейские вездеходы (ещё одна модная монгольская переделка) до нескольких крупных становищ и к ближайшим большим военным городкам, спокойно проходят до центра Ундерхаана и там высаживают и принимают пассажиров... но я вынужден топтать пешком. Не принято тут выпячивать свою значимость: школьник – веди себя как школьник, пройтись по самому пеклу – отлично закаляет тело и Дух. Впрочем, сейчас я ворчал про себя больше от недосыпа – уже привык, а может и тренировки действительно помогли. Если бы у меня на них ещё оставалось время...

Прямо удивительно, но до школы я добрался почти вовремя. Можно было и совсем вовремя – но пришлось бы бежать... да пошли все нахрен! Раз практика это «отдых», то пусть попробуют заставить отдыхать по расписанию. Уверен, не я один опоздал. Хотя, дойдя наконец до учебного заведения, я немного засомневался в своей правоте. Чего-чего, а территорию здесь никто не экономит, в отличие от заборов: необычно пустой двор вокруг школы меня не насторожил – услатить пришедших вовремя «везунчиков» с миссией полива клумб, пропалывания сорняков или тем паче – отсыпания дорожек кирпичной крошкой можно было чуть ли не за горизонт! Выходящих покурить у школьного подъезда здесь быть не могло – даже до учителей не дойдёт, свои навалиют от души, а охранников при входе нет в принципе, так что мне предстоял занимательный квест «найти своих». Однако, как оказалось, о растяхах вроде меня все-таки позаботились: на створке двери обнаружилась криво приклеенная половинка листа А4, которую я заметил, только когда дернул за ручку и убедился, что главный вход заперт.

*На время учебно-экскурсионной поездки все десятиклассники, пожелавшие остаться в школе, переводятся во временную сводную группу Хонгурзул Оюуновны.
Зам. дир. Нарышкина Н. М.*

Подпись, печать. Ниже от руки было размашисто добавлено:

*Заходите через второй чёрный в физкультурном корпусе. С.П.
Для особо одарённых: ВСЕМ ученикам, оставшимся в городе, заходить через физкорпус!*

«Расшифровать», что же такое произошло, для меня труда не составило: опытный я, в каком-то смысле, школьник. Значит, вчера, сразу после торжественной раздачи аттестатов о неполном среднем образовании, учителя, вместо того чтобы засесть бухать от счастья за достижения своих воспитанников, как все нормальные люди, сели работать – сверхурочно. По-быстрому раскидали оставшихся учащихся по классам и даже старост назначили. Хотя обычно первое делается ближе к концу июня, перед отпуском у педколлектива, а второе вообще на первом уроке нового учебного года. И я даже знаю, зачем был этот взрыв трудового энтузиазма: зря, получается, я наговаривал на их счёт. Нет, ну вот не суки ли?

Процесс дальнейших действий я себе представил как вживую. Свеженазначенные старосты ловятся замдиректором за подол (фигурально выражаясь, ибо телефоны для чего?), и до них доводится сообщение о возможности заменить тупое торчание в поднадоевшей за год школе многодневной экскурсией и список их класса, а те уже должны донести информацию до окончного получателя – своих свеженазначенных одноклассников. Такое обычно объявляется прямо в классе, ну или в первый день практики могли всех собрать (задержитесь, нам нужно сделать объявление), но когда есть некая спешка, организуется банальный обзвон. «Ты предупреди вот этих, ты – этих, а ты – тех». Ну и про оставшихся для дальнейшего обучения мальчиков «случайно» забывается – не старостой, разумеется, а одной из порученок: опа, всё на мази! Нет, ну а что – всё произошло как бы случайно, возможность заменить трудовые подвиги реальным отдыхом «горит», возможны же накладки? Ну а преподавателям и того лучше – моногендерным коллективом управлять проще, особенно

когда он состоит из шестнадцатилетних девчонок. Разумеется, смогли поехать не все и из приглашённых – и педколлективу пришлось оставить дежурного преподавателя для остальных: в данном случае физкультурницу. Не самый приятный для меня выбор, честно сказать... ай, да и черт с ним. Главное, толпы не будет, а в небольших количествах одноклассники и одноклассницы куда лучше переносимы.

На всякий случай я подёргал дверь – хотя синяя печать не располагала к ожиданию «смешного прикола» – пожал плечами и отправился в физкорпус. По дороге заодно пытаюсь понять, какое же чувство во мне сильнее – совершенно детской, иррациональной обиды: ах, меня не позвали... или желание некультурно поржать! Весь фокус был в том, что я всё равно просто не мог уехать из «Каменного цветка»: работа требовала моего присутствия именно здесь и каждый день, значит, поездка для меня пролетала так и так. Кстати, удовольствие находится в серпентарии, в который превратился нормальный, в общем-то, коллектив после «хирургического удаления» из него мужской части учащихся, не половину рабочего дня, а несколько дней с утра до вечера... Ну, вы поняли. Ладно, сейчас посмотрю на других таких же «неудачников».

– А вот и наш сильный программист! – было первое, что я услышал, пройдя сквозь действительно отпертый «чёрный ход». Парные двери вели прямо в спортзал, сейчас практически пустой, и предназначались для вноса-выноса инвентаря на улицу, для тренировки в хорошую погоду. По мне, так лучше б их забыли нарисовать в проекте здания: «хорошая», в смысле ясно-солнечная погода тут двести дней в году, и сто из них приходится на сезон, когда упражнения на «свежем воздухе» превращаются в настоящую пытку жарой. Недаром беговое «кольцо» школьного «стадиона» густо обсажено со всех сторон тополями и липами, а поздней весной и летом даже отмороженные на всю голову любители футбола из тех, что живут в городе, приходят на школьные матчи и тренировки исключительно в сумерках, как вампиры какие. Всё ещё жарко, но уже, по крайней мере, можно с гарантией обойтись без солнечных ожогов, играя в футбольной форме. Недаром национальная монгольская одежда – халат с длинными рукавами и шапка, ох недаром...

– Здравствуйте, Солонго Пуреговна! – найдя учительницу глазами в другом конце здорового помещения и старательно улыбаясь во весь рот (зрение у сволочи как у орла!), я привычно «прожевал» отчество, прозвучавшее оттого слегка невнятно. Тётка... хотя какая она тётка – двадцать четыре года, из педагогического два года как! – столь же привычно непроизвольно поморщилась: мало кому нравится, когда все за глаза тебя называют «Пуреговной»! Впрочем, это слово-производное от отчества и названия средства от запора «Пурген» ей, на мой взгляд, очень шло.

– Надо что-то куда-то таскать? – перевёл «смешную» фразу Тодаевой я, не дождавшись хотя бы ответного «здрасти».

– Точно! Будешь расставлять мишени для «хасса»^[11], Далеев. Раз ты так захотел посмотреть на предзачётные тренировки Нармаевой, что даже на Байкал со всеми не полетел – кто я, чтобы вставать между тобой и твоей любовью? – физкультурница даже не особо пыталась скрыть, что кривляется. Правда, в опоздании не уличила – видать, слишком счастлива была. Вообще, «сделала» она меня действительно хорошо – теперь настала моя очередь кривиться. Я знал, что Криста Нармаева по прозвищу «Утиный нос»^[12] в этом году выступает на турнире по Монгольскому луку среди юниоров. А вот то, что она останется тренироваться в школе – не подумал, хотя мог бы и догадаться. Ну теперь эта утконосая меня задолбает – и не отвязаться никак.

Конфронтация с Пуреговной и её любимчиками у меня была давней и взаимной, о да, и не сказать, что я был совсем не виноват. Не нужно было выделяться из коллектива... по крайней мере, так сильно. Здесь есть Глобальная Сеть – но пользоваться местные ею не то чтобы не умеют... не очень охотно желают. Связь, обмен документами, удалённое проведение документооборота – да. Ползать по сайтикам и сидеть в форумах для развлечения? Ну конечно же нет – хотя есть и то, и другое, и интернет-магазины есть. Не в чести и бессмысленные компьютерные игры, а симуляторы тут хоть и воспринимают как этакое замечательное развлечение – но обязательно связанное с учёбой. Как итог – цифровой дизайн в загоне, хорошие видеокарты считаются «про»-оборудованием^[13], а разбираться в ай-ти технологиях, что чуть ли не обязательно для любого подростка там, здесь является прерогативой «избранных». Умников-задротов, как у нас раньше представляли

линуксоидов^[14] – непонятно чего говорящих, и пребывающих в некоем «своём мире». Ну разумеется, не мог же я не продемонстрировать своих профессиональных навыков?

Не знаю, как раньше школа справлялась с оптимизацией и управлением своей инфраструктурой – не иначе как из Центра запрашивала «заезжих варягов» или на поклон шла к папам учеников – среди военных были и свои компьютерщики с программистами, разумеется. Собственно, информатике как науке как раз можно было научиться выше базового «ткни в дисплей на значок – получишь результат» в ВТУ: это всех устраивало. Не хочу сказать, что к моменту моего «перевода в школу» тут уже всё сыпалось... но работы накопилось изрядно. И настройка принтеров, нормального бекапа, оптимизация кабельной сети – это далеко не всё, что я делал. Другой вопрос, что с моей колокольни это было даже не разминкой – так, семечки грызть, когда книжку читаешь, потому со стороны казалось, что я и не делаю почти ничего, а всё начинает работать «само». Ага. Отчитывался я той же Нарышкиной, а Надежда Максимовна меня, когда надо, отмазывала от излишнего внимания учителей и, в некоторых случаях, одноклассников. Нормальный бартер – и все были довольны. Пока у нас в школе не «взошла звезда» Пургеновны.

Что она здесь, в школе на краю Великой Империи, забыла – это тот ещё вопрос. Спортсмен, работающий учителем – это здесь считается нормально. Однако КМС^[15] по классическому ханьскому фехтованию, красивая молодая девушка, могла бы найти себе место... ну, скажем так – поудобнее. По крайней мере, найти спарринг-партнёра своего уровня в Ундерхаане можно было только при большом везении – в отличие от городов территории имперского Китая, где мастеров древнего искусства действительно много. Может, она, конечно, искала подходящее место для самостоятельных тренировок и медитаций, но как по мне – это было больше похоже на бегство от самой себя. Как ни странно, именно профессиональных спортсменов, живущих соревнованиями и победами, в стране очень мало. Просто постоянной тяжёлой работы недостаточно, нужен определенный талант и стальная воля: без непрерывного самосовершенствования ничего не выйдет. Путь Духа в какой-то момент позволяет адепту превозмочь физические кондиции своего тела, да, однако этот шаг нельзя сделать по плану. Не смог, отстал от своего возрастного ценза – и ты уже один из многих любителей, пусть и с разрядом. Бывает. Никто, что называется, не застрахован. Найти свой Путь – та ещё задачка: сколько на эту тему ходит пословиц и поговорок – просто не счесть.

В общем, история Солонго меня бы совершенно не волновала бы, если бы в качестве не иначе как психологической компенсации она не начала... гм, проявлять свою преподавательскую харизму. Цепляться к ученикам, если по-простому. О, нет, не ко всем – к девочкам отношение оставалось подчёркнуто-ласковым. Вот парни получали по полной... и тащились от стервы не хуже соучениц – красивая и язвительная сучка буквально туманила их мозги. Типа «бьёт значит любит»: бурлящие подростковые гормоны – страшная сила. Скидка делалась только для делавших заметные успехи в Путях – остальные им невероятно завидовали, средние показатели учащихся по нормативам поползли вверх, что во всех школах поощрялось. Видно, у Пургеновны и впрямь оказался нераскрытый ранее талант работать с подростками – мальчишки на физре прямо-таки лезли из кожи вон, чтобы угодить «шифу»^[16], а девочки млели от демонстративного «особого отношения» к себе. Не удивительно, что на не совсем корректное, по моему мнению, поведение мечницы директрисса и завуч закрывали глаза.

Пока я просто не демонстрировал особого восхищения и укладывался в минимальные нормативы, всё было более-менее ничего. Потом, прошлой весной, случилась «Всеимперская Межшкольная Спортивная Игра» – их проводили раз в три года, как чемпионаты мира. Засада была в том, что участвовать должны были все, а я, ожидаемо, «портил результаты». И в отличие от других отстающих по физическому развитию не просто не тянул – ещё и не старался. Пургеновна со мной попыталась «поговорить» в своей излюбленной манере, – но я от неё просто отмахнулся: не то чтобы её «чары» на меня не действовали совсем, – но выжимать из себя все соки ради сомнительного коллективного достижения? Да пошли бы вы все куда подальше! Задним числом я понял, что для Солонго победа в соревнованиях была бы своеобразной «реабилитацией» за свой «провал» в спорте. Пойми я сразу – попытался бы объяснить свою позицию, построил бы разговор по-другому... а так – нашла коса на камень. Ответка не замедлила прилететь уже на следующий день.

На тренировке перед играми, куда восьмиклассников теперь загоняли каждый день, я получил мячом в живот так, что упал и долго не мог встать – от парней из параллельного класса. Разумеется, пришлось прерваться – какие уж тут упражнения. А в раздевалке меня зажали – это было «предупреждение» вида «лучше сам убейся»: сядь на больничный и не порти школе результаты. Или следующий снаряд, «боевой» – будет в голову, и больничка будет обеспечена так и так. Я... честно сказать, был в шоке: в «жизни класса» я старался не участвовать и вообще поменьше контактировать со сверстниками по неучебным вопросам – и окружающие платили той же монетой. А тут на тебе – такой «социальный фулл-контакт». Впрочем, удивление не помешало мне незаметно включить диктофон в мобильнике и сразу после «беседы» отправиться прямиком к замдиректора. Скорее посоветоваться даже, чем пожаловаться – я реально не знал, что делать. Надежда Максимовна как-то очень спокойно сказала, что разберётся, и чтобы я не переживал. А на следующий день я узнал, что школу сняли с соревнований, а «активистов» прямо с занятий услали в психдиспансер на обследование – вот это все меня поразило гораздо больше, чем давешняя «разборка».

Меня до сих пор терзают сомнения – это Пургеновна напрямую ребят на «исправление результатов» путем спортивных травм подговорила, или они сами додумались? Они её не сдали, иначе бы преподаватель у нас сменился, но... осадочек, что называется, остался. Кстати, уверен, «осадочек остался» не только у меня – вот и сейчас вместе с Хонгурзул Оуюновной в городе оставили именно Тодаеву. Уроки физической культуры Тодаева теперь проводила подчёркнуто-ровно, без «мотивационных нововведений», но стоило нам столкнуться вне занятий – и мне демонстрировалось «утонченное чувство юмора». Ладно, где там эти шайтановы мишени и куда их тащить?

– Хлоп! Ффффп! – попадание.

– Хлоп! Ффффп! – попадание.

– Хлоп! Фффлк! – стрела соскользнула с бока цилиндра-мишени и ушла «в молоко».

– Шайтан! – Криста опустила лук. Выражение лица у неё было такое, с каковым теннисистки на корте швыряются дорогушими ракетками, но лучница сдержалась. Пока я в очередной раз рысью метнулся выдёргивать тяжёлые спортивные стрелы с ярким оперением, она стояла, опустив голову, – пытаясь войти в рекомендованное для стрелков состояние внутреннего покоя.

– Кристина, стоп. Так у тебя ничего не получится. – покачав головой, встала с лавочки у стены Найдакова Хонгурзул Оюуновна. Скромный учитель истории, женщина безупречной восточной красоты и обладательница именного титула «Красный Тюльпан^[17] Монголии». «Прозвание, дарованное Небом»^[18] Хонгурзул получила за показательные достижения в стрельбе из классического монгольского лука «пред ликом Императора»^[19] – последнее покруче олимпийской золотой медали из моего прошлого мира будет. Хотя бы потому, что здесь международных спортивных игр попросту нет.

Интересно, чем предки утконосой с ней расплатились? Что-то мне подсказывает, что не деньгами: в отличие от Пургеновны, Хонгурзул не стремилась стать профессиональной спортсменкой и не афишировала своих успехов, как, впрочем, адепту Духа и положено. Я и сам узнал, только когда однажды увидел мою любимую училку в спортивном халате и с тулом стрел за спиной. Увидел – так впечатлился, что начал «копать». Общеизвестные поисковики типа Яндекса и Гугла в Глобальной Сети Империи не в чести: запустить проект такого типа пытались... и мягко получили по рукам эдиктом из Лазурного Дворца^[20]. Другое дело, что у меня была своя, фактически личная, поисковая система: практически первым, что мне пришлось алгоритмизировать ещё во время работы в НПО, стал поиск и анализ прямой и косвенно получаемой информации. Сначала с датчиков виртуального вертолётa, а потом и из открытых сетевых источников напрямую. До сих пор считаю эту свою идею без шуток гениальной! Нет, ну а что? Если есть отработанный самообучающийся алгоритм, зачем его искусственно ограничивать? Пусть «тренируется». Так, собственно, из «изделия Агат» появилась Агата – программная надстройка над БИУС вертолётa, эмулирующая искусственный интеллект. Хотя в последнее время я начал сомневаться, что слово эмуляция тут по-прежнему правомочно: на мощностях процессорных сборок, которые неизвестно как и откуда достал Абишев, боевая информационно-управляющая система работала без раздражающих задержек, и запросто проходила тест Тьюринга^[21]. А запрашивая поиск и первичной информации, я вообще чувствовал себя чуть ли не героем научно-фантастического фильма про будущее^[22]!

– Перерыв, – махнула рукой наставница Кристи, выслушав что-то сбивчиво шептавшую подопечную. Я выдохнул – каждые две минуты рысью метаться от мишени к мишени, а потом бегом тащить снаряды к лучницам было утомительно. Я бы всё проклял, если бы мне пришлось делать это ради одной только Кристи (и под её комментарии), но под одобрительным взглядом Хонгурзул Оюуновны порхал бабочкой – перед любимым преподавателем мне совершенно не хотелось выглядеть слабаком. И вдвойне я был благодарен лучнице за то, что рядом с ней Нармаева МОЛЧАЛА. Блин. Ведь понимаю, что

мне лично ничего не светит: пусть про личную жизнь учительницы истории мне было ничего не известно и я мог теоретически тешить себя иллюзиями, но где едва шестнадцатилетний я – и где без года тридцатилетняя «Красный Тюльпан»? Но... мне было просто хорошо рядом с ней. А уж как я учил ее предмет!.. – Егор, если ты не устал – выгляни на улицу и поищи Солонго Пуревовну, пожалуйста. Кажется, ей сегодня тоже нужен был зал.

– Уже иду! – с энтузиазмом вскочил я с лавочки, хотя только присел и вытянул ноги.

Улица встретила меня привычным ощущением раскаленной духовки и голосом Пургеновны, отдающим кому-то ритмичные короткие команды со стороны беговой дорожки. А вот и те, кто остался в Ундерхаане и пришел вовремя... Как же мне всё-таки повезло, что физкультуричка меня настолько не переносит, что заставила помогать в зале, а не потащила с собой! Вместе с Солонго на дорожке обнаружили ещё трое учеников – как ни странно, но я даже всех их более-менее знал, хотя одноклассниками мы не были... раньше. Как разделили поток свежее испеченных старших школьников, я пока был не в курсе, и, пожалуй, это стоило поскорее исправить. Заодно и фамилию старосты своего класса узнаю: подставу с поездкой я ей ещё припомню, а то ведь и ещё про что-нибудь «случайно забудет». Ну ладно, «не дозвонилась» – хотя бы сообщение утром скинула, что нужно спортивную форму на практику взять. Хорошо бы я сейчас был в своем халате после пары часов работы «мальчиком для битья» – когда даже переодеться не во что!

– Хонгурзул Оуюновна просила передать, что у них перерыв и зал свободен, – вклинился я между звонками «Ха!» после того, как с полминуты понаблюдал за чем-то средним между средневековой пыткой и спортивной тренировкой. Ещё одной. Что интересно, меня даже не заметили, пока я не подал голос – даже для долбанутой Тодаевой летняя монгольская погода оказалась не по зубам. О том, насколько тяжело пришлось выложиться всем четверым, отлично свидетельствовало не только тяжелое дыхание, но и разводы на футболках, и насквозь промокшие повязки-потоулавливатели на лбах. После моих слов потребовалась ещё пара секунд, чтобы смысл дошел до всех участников истязания, после чего пары тренирующихся распались.

– Отлично. Самое время! – у Пургеновны даже не нашлось для меня едкого комментария. – Сейцура, Мамедова, на сегодня всё. Спасибо, что помогли. Сол Вонг – жду через пятнадцать минут.

И первой, подавая пример, пошла к дверям физкорпуса. Обе девушки, участвующие в практике, сразу отправились за ней, волоча за собой свои спортивные снаряды, а вот у Степана Сейцуры хватило выдержки сначала зажать подмышкой круглый, обитый снаружи мягкой тканью ручной тренировочный щит и пожать мне руку. Я хмыкнул и стал собирать остальной инвентарь, разбросанный по газону, хотя у меня сразу появился некоторый соблазн оставить все на месте: не просили же? Хотя... пожалуй, не стоит вредничать: роль мальчика на побегушках по крайней мере не заставляет слишком сильно напрягаться. Все, как говорится, познается в сравнении – посмотрел на остальных и проникся. Даже настроение исправилось...

...ровно до того момента, как планшет в кармане халата издал громкую трель: входящее сообщение электронной почты. Прочтя которое, я так и сел:

*Абишев звонил, приказал грузить изделия для прогонки полного цикла прямо сейчас – откат сделать не успею, так что везу «Агат» со всеми. «Ирис» на тебе.
Маркулов.*

– Фууух! – Степан Сейцура плюхнулся рядом со мной на лавку у стены спортзала. – Думал – помру!

– Вас же вроде домой отпустили? – наверное, стоило составить фразу как-то более дружелюбно, однако письмо порядком выбило меня из колеи. Впрочем, парень моего тона даже не заметил, блаженно закатывая глаза и вытягивая ноги.

– Если вернусь, припрягут бегать по дому с выпученными глазами и списком, а так то-сан и ка-сан^[23] сами все сделают, – безмятежно сдал не самую благовидную подопку своей неторопливости полуяпонец и тут же пояснил причину самого переполоха: – Как в экспедицию в тундру ехать вместо трудлагеря в Крыму, так «всё равно отдохнешь, только ещё и заработаешь, раз уже можно», а как отмазать хотя бы на день практики – так «ну так же положено, иди».

Я немного напряг память и припомнил, что про щуплого и темноволосого Сейцуру мне говорили, что он из семьи геологов, и с родителями объездил чуть ли не половину диких мест Империи. Выходит, и правда... Опа.

– Так я что, в этом гадюшнике с завтрашнего дня единственным парнем останусь?! – дошло до меня.

– Да я тоже удивился, когда тебя увидел: думал, я тут единственный неудачник, – с готовностью потоптался по чужой «больной мозоли» добрый мальчик Стёпа и тут же попытался меня приободрить: – Зато прикинь, как сейчас Кольке Помелову и Ваське Свирь? Одни на шесть десятков баб! А у тебя тут всего четыре будет...

– Почему четыре? Три, – машинально переспросил я. Моя теория о «заговоре» против продолжающих обучение в десятом классе парней с треском развалилась, и теперь я пытался решить, какая версия мне «нравится» больше – что до меня и вправду забыли дозвониться, или что «оставили за бортом» только меня?

– Нет, четыре, – чуть отдохнувший возможно-одноклассник показал мне кисть с загнутым большим пальцем и растопыренными остальными. – Мамедова, Нармаева, Сол Вонг и Джимбинова...

– Вот мужики, на пять минут одни остались, и уже баб обсуждают! – по другую сторону от меня приземлилась Светлана Мамедова, вторая сегодняшняя жертва Пургеновны. Лавочка под фигуристой, но отнюдь не хрупкой девушкой ощутимо вздрогнула. – Привет, Далеев! Что это у тебя за штука?

– Планшетный компьютер, – я непроизвольно накрыл свой рабочий инструмент рукавом. Не помогло.

– Тонкий какой, – удивленно протянула блондинка, молниеносным движением выдернув предмет из-под моей руки. – У моего бати адъютанты постоянно с планшетками таскаются, но они толстые как пол-кирпича. Ух ты, пароль требует!

– Потому что у твоих планшеты военного образца, – быстрее, чем я успел открыть рот для ответной реплики, влез с пояснениями парень. – У нас, у геодезистов, такие, и к мобильной лаборатории один в комплекте. Они противоударные, не тонут, и там снизу солнечная батарея. А у Егора вообще спецзаказ, кажется.

– Чё, правда? – Светка посмотрела на машинку сбоку и перевернула. – О, и тут солнечная батарея...

А ещё и мощностъ, как у среднего сервера, титановый корпус и основной источник энергии – радиоизотопный. По-хорошему, мне эту машинку должны были запретить выносить не только за пределы «Каменного цветка», но и за пределы подземной лаборатории в принципе.

– Программирую. Много, – я аккуратно взялся за край устройства и вытянул из пальцев мгновенно потерявшей интерес к чужой цацке Мамедовой. Красивый пенал, ластик или фенечку на рюкзак под настроение одноклассники могли и не отдать сразу – как же, интересно поиграться, особенно если отнять силой ты сам не можешь. Но к чужому инструменту, как и к оружию, здесь отношение очень трепетное – причём чем более сложные вещи ты с помощью него можешь сделать – тем больше уважение. – А ты чего домой не идёшь?

– Папа пришлет вертушку в пять, а одной по городу до того шляться скучно, – отмахнулась генеральская дочка.

– Могу составить компанию, – тут же галантно предложил Сейцура и удостоился пренебрежительного «пфф» и насмешливого взгляда от девчонки и сильно удивлённого – от меня. И как у него только смелости хватило? Или Сол Вонг ему по башке тренировочной деревяшкой заехала?

Света была в школе личностъю довольно известной, если не сказать – «звездой», знали её решительно все. Да и не только в школе. Благодаря отцу, командующему самым крупным военным полигоном в Монголии – «шишке» по местным меркам немаленькой, на уровне командира дивизии, если не больше, на девочку непрерывно изливалось внимание и сверстников, и взрослых, что не могло не оставить свой след в характере. Дети командиров других крупных военных объектов могли только завидовать или вообще не знали, где служат родители: секретность никто не отменял. А вот на Полигоне работает куча гражданских специалистов, от врачей и инженеров до посудомоек и поваров – добрая половина населения Ундерхаана^[24] – и скрывать что-то бесполезно. Кроме того, Светлана и сама в любом окружении не терялась... во всех смыслах. Она переняла не только известность, но и другие семейные черты: привычку всеми командовать, уже сейчас ощутимо продвинулась на Пути Воина, и статями обошла большинство сверстников, в том числе и Степана. На полголовы выше низкорослого, в отца, парня, и шире в плечах – это при сохранении вполне себе женских пропорций фигуры. Что-то у Сейцуры совсем в мозгах переклинило, раз он решился на самурайский подвиг... или не совсем в мозгах. Ах да, восхитительное лето в обществе оленей, гнуса и родителей – как я мог забыть! Шайтан, даже настроение исправилось.

Как выяснилось через пару минут – чувство самосохранения изменило Степану не до конца: как только в коридоре, ведущем в физкультурный зал, показалась Криста Нармаева, парень под насмешливым взглядом Светки подхватился, попрощался и испарился в неизвестном направлении меньше чем за десять секунд. Да, вот что значит – репутация... которую лучница, к моему удивлению, немедленно опровергла. Примерно минуту на удивление молчаливая девушка помялась около входа в зал под нашими взглядами, потом всё-таки не выдержала и на удивление лаконично огрызнулась:

– Что?

– Ничего, – хмыкнула Мамедова. – Тебе идёт.

– Тебе очень идёт, – поправил я, разглядывая скандалистку и задаваку, которую в классе никто терпеть не мог, как будто увидел в первый раз. Да-а, сейчас бы мне и в голову пришло обзывать Кристу «утконосом»: в расшитом скупой алой вышивкой вдоль отворотов и рукавов белом тонком укороченном «как бы спортивном» халате, к которому кто-то очень опытный идеально подобрал высокие, до колен, летние сапожки того же колера, лучница, впервые на моей памяти не пренебрегшая косметикой, выглядела на все сто и даже больше.

– Ну с-спасибо! – на миг привычное выражение лица вернулось к моей однокласснице, но, дополненное покрасневшими от смущения щеками, смотрелось даже мило. – Вы можете не пялиться, а?

Я неожиданно для себя смутился и поспешил включить планшет, а от Мамедовой долетел еще один многозначительный хмык. Чудеса продолжались – Кристина промолчала.

Чтобы не пялиться украдкой на Нармаеву, я раскрыл рабочий файл: несмотря на то что самые азы Пути Духа я вроде бы освоил, сосредоточиться ни на чём для меня продолжало оставаться серьезной проблемой. Вот сосредоточиться на работе, выкинув из головы всё остальное и отрешившись от внешних раздражителей, всегда получалось без проблем... Точнее, я так до сих пор считал. Потому что стоило Мамедовой непринуждённо опереться на моё плечо, заглядывая в дисплей планшета, все мысли у меня из головы как метлой вымело. Тонкая ткань рукава моего халата совершенно не мешала мне отчетливо ощутить упругое давление в плечо – а упираться Светке определенно было чем.

– Это – программа? – девушка ничтоже сумняшеся ткнула пальцем в экран, заставляя меня судорожно сглотнуть. Можно сто раз быть сорокалетним мужиком в своей голове, но в комплекте с шестнадцатилетним телом голова при определенных условиях с гарантией отключается.

– А? Это? Нет, визуализация реляционных связей базы данных, – героическая попытка взять процесс мышления под контроль привела только к тому, что мой мозг всё-таки воспользовался памятью тех времён, когда я был биологически повзрослее и потому помимо воли продолжил: – Если интересно, могу рассказать.

Ага, всё что угодно, только не выпрямляйся!

Краем сознания я понимал, что эта пикантная (для меня) ситуация случилась только из-за внезапно приодевшейся Кристины и моей реакции на неё. Генеральская дочка, разумеется, прекрасно знала, как на неё реагируют лица противоположного пола, а тут какая-то...

посмела отвлечь внимание единственного на данный момент присутствующего самца на себя. «Случайно прижаться» её саму ничем не обязывало – можно будет в случае чего соорудить непонимающую мордочку и удивиться: ах да, она на тренировках по рукопашному бою так каждый день взрослых мужиков на пол роняет, что такого-то? Это без учёта того, что большинство настойчивых ухажёров она сможет точно так же без напряжения «уронить» – в отличие от моих сверхскромных достижений в области Духа, с продвижением по семейно предопределённому Пути Воина у Мамедовой было все зашибись. Развитая на зависть многим совершеннолетним фигура девушки об этом буквально кричала.

– Знаешь... наверное, давай в другой раз, – с сомнением в голосе ответила девушка и отстранилась. А я едва не задохнулся воздухом – во время «контакта» у меня еще и дыхание сперло. Фу-ух, ну и ну. Вот это меня проняло – хорошо, что не трясёт от эндорфинного шторма в крови.

– На самом деле это не так сложно, как кажется... – сделав пару вдохов и выдохов, всё-таки ответил я. Повертел изображение пальцами и с уже меньшей уверенностью добавил: – Ну, если разобраться.

Рабочая визуализация связей базы данных выглядела так, как будто в цехе с парой десятков ткацких станков кто-то взял и перепутал все нити между всеми машинами: именно так выглядела теперь система принятия решений последней версии БИУС изделий «Агат» и «Ирис». Пришлось писать специальную программу для отображения всех связей, которая специально убирала с картинки «лишние» линии и позволяла «на глаз» видеть основные закономерности. Если верить тому, что я читал ещё в родном мире, примерно так работает система ассоциативных связей в голове у человека – только там она намного сложнее и запутаннее. Честно сказать, для информационно-управляющей системы боевого дрона и эта структура была чересчур сложной – это нейронная сеть головного мозга человека могла позволить себе «лишние» процессы и так называемую «нечёткую логику», а у беспилотного вертолёта в бою времени «на подумать» просто не было, но...

...но экономить на серверном оборудовании было плохой идеей. И собираться «на демонстрацию» за двадцать минут, забрав только главный сервер и прототип макета части плазменного орудия – тоже. Вот откуда мне и Маркулову, моему начальнику-программеру, было знать, что мы переезжаем в другой мир и дорога в один конец? Нет, все файлы для работы БИУС на мейнфрейме были, и дискриминантный бэкап последней версии. Той, с которой я работал – «Агаты». Наверное, если бы мы сразу признались, что проблема есть – нас бы свои же прибили... ну, меня – точно. Однако, когда нам всё-таки показали развернутое техническое задание, я понял – пронесло. Даже я бы сказал – невероятно повезло, потому что Абишеву тоже нужен бы не простой дрон...

– Мамедова, Далеев! Вы чего тут расселись? Выметайтесь уже. Кыш, кыш, – недовольный голос Пургеновны заставил меня вздрогнуть и вернуться к реальности. Что, и меня отпускает? Не иначе, как раки на Эвересте собрались на конкурс художественного свиста, а у медведей южного полушария началась повальная пандемия прямо в берлогах. Отмучился, блин. Наконец-то. Хотя из-за дурного приказа Тогжан-бека у меня именно сегодня всё самое весёлое ещё впереди.

Да сегодня прямо день исполнения потаенных желаний! Свалить от сволочной физкультурички подальше и прямо сейчас? Да я каждый день практики готов начинать с этого дейст...

– Солонго Пуревовна, а можно мы останемся и посмотрим на ваше выступление? – елеинным голосом спросила Светка, вставая с лавки вместе со мной. Одну руку она при этом незаметно для учительницы завела за спину и неожиданно ухватила меня за запястье, не дав даже шаг сделать. Это произошло так неожиданно, что я на секунду просто застыл, пытаюсь понять: что такое происходит?

– Какое еще выступление, Светлана? – хмуро, но уже менее раздраженным тоном отозвалась Пургеновна.

– Ваше и вашей ученицы. Мы давно хотели увидеть вашу технику работы с мечом... – Мамедова мало того, что убедительно сыграла интонацией голоса, так еще и внезапно-резко чуть дернула кистью руки вниз: со стороны Найдаковой скорее всего это было похоже на кивок.

– А с чего ты вообще взяла, что мы сегодня где-то будем выступать? – уже заинтересованно переспросила женщина. Пока они со Мамедовой обменивались репликами, Солонго успела миновать коридор и войти в зал. Оказалось, мечница тоже успела переодеться в красивое и явно не предназначенное для ежедневного ношения тонкое фиолетовое ципао со штанами^[25] и действительно похожее на форму для выступления фехтовальщиков-цзянь^[26].

– Я совершенно случайно видела, как вы отдавали оружие для обряда... – протянула генеральская дочка дочка таким голосом, что я сразу понял: «увидела» она это явно не случайно. У Пургеновны в ответ на такую неприкрытую наглость сначала даже не нашлось, что ответить, а я, наконец, сообразил выдернуть свою руку из Светкиного захвата.

– Вот что: гуляйте отсюда. – Тодаева сказала это совсем другим тоном – вроде бы спокойно, но лично у меня мурашки по спине побежали.

– Конечно-конечно, Солонго Пуревовна... – Мамедова на редкость фальшиво улыбнулась и даже ресничками похлопала, однако добилась только ничего не выражающего взгляда. Лично я почел за лучшее не досматривать сцену, а просто свалить по-быстрому, даже не пытаюсь попрощаться ни с «любимой» учительницей, ни с все так же подпирающей стену зала непривычно молчаливой Кристиной. Шайтанова Светка – на фига меня-то впутывать было? Ей-то ничего не будет, а вот мне?!

Я так спешил покинуть «гостеприимные» своды школы, что едва не столкнулся у наружных дверей с еще одной знакомой мне девушкой, увидеть здесь которую я не ожидал. Откуда... хотя да, туплю. Сейцура же говорил, что на практику осталось четверо десятиклассниц, а войти в локальную сеть школы и просмотреть список я так и не удосужился. И зря – заодно бы и посмотрел, кого запихнули вместе со мной в один класс...

– Привет, Жар. – Я освободил дверной проем и придержал створку, пропуская возможно-одноклассницу: в руках у той был длинный сверток из знакомой темно-бордовой ткани, расшитый чуть вытертыми от времени ритуальными драконами и перевязанный золотым шнуром с кистями. Родители Жаргал содержали маленький семейный буддийский храм и регулярно припрягали дочку относить владельцам прошедшие ритуал освящения

предметы – для меня, формально-православного да еще и из другого мира, традиции и обряды местных буддистов выглядели поначалу очень странно и необычно, но потом ничего – привык. Тем более различия казались большими только на первый взгляд: как я узнал, иерею^[27] тоже приход дают в окормление^[28] фактически на семью: всего и отличия, что сан нельзя передать по наследству^[29]... В общем, понятно и почему Жар вообще осталась в Ундерхаане – отцу и матери помогать.

– Привет, Егор, – тихо поздоровалась девушка и еле заметно кивнула мне, благодаря за помощь. А до меня внезапно дошло, почему я ее не видел на тренировке: вот кого посылали освятить мечи перед выступлением.

Освящение оружия именно в буддистском храме – старая традиция. Как я читал, пошла она с поверья, что меч положено обнажать для битвы, а вынутый просто так, как бы забавы ради, может... не то чтобы испортиться – «обидеться». Вот в храме мечам и «объясняют», что готовят их на битву, но не кровавую, а духовную – между прочим, демонстрация фехтовального мастерства издревле же считается в Хань способом изгнать злых духов^[30]. Таким вот образом проводится как бы предварительная подготовка оружия, которым теперь лить кровь неуместно, хотя лезвия и заточены: какая битва – и на тупом оружии? О прохождении ритуала свидетельствуют специальные монетки-ляны, вплетенные в темляк рукоятей мечей. Собственно, классическое китайское спортивное фехтование состоит из двух частей, где поединки именно поединки – только половина зачета, и в общем-то понятно, почему. Зрелищность боя один на один не зашкаливает – короткий обмен ударами и победитель обычно уже виден. Зато показать мастерство во владении клинком в одиночку – о, это целое шоу, синтез художественной гимнастики и мистического ритуала экзорцизма. Только в гимнастике обручем или лентами нельзя пораниться так, как боевым клинком – еще один момент, придающий спортивному мероприятию дополнительную волнующую остроту. Мистика, практика и состязание с реальными призами и риском для жизни: обычное дело для спортивной дисциплины в Империи. Теперь привык, а поначалу уложить в голове такое было непросто...

...пройдя с полсотни шагов, я обернулся – как раз вовремя, чтобы заметить, как вышедшая следом за мной Мамедова подходит к стволу одной из лип, образующих аллею вокруг беговой дорожки. Девушка воровато оглянулась, характерно помахала мне рукой – иди давай куда шел, не мешай – и внезапно подпрыгнула, ухватившись руками за толстую нижнюю ветку на высоте в два своих роста, молниеносно подтянулась – и скрылась в кроне. Я еще с секунду пялился на дерево, пытаюсь понять, что меня больше восхищает – навыки Светки или то, на какой идиотизм она их растрчивает: слабый ветер теребил темно-зеленые листочки, и никаких признаков засевшего наблюдателя я, сколько ни силился, заметить не смог. Кто-то, похоже, не понимает слова «нет» от слова «совсем» и чужим мнением не интересуется в принципе. Мной пыталась воспользоваться – типа «я не одна хочу смотреть», не получилось психологически – в дело тут же пошла сила и хитрость. Запомню. С другой стороны, надо признать – Мамедова своего все-таки добила: окна в физкультурном зале огромные, хоть и забраны сеткой-рабицей изнутри, если выступление будет там (перед кем, интересно только?), ловкая засранка его увидит не хуже, чем с трибуны стадиона. И если, конечно, ее раньше не засекут – для белки она все-таки крупновата. Но это уже не мои проблемы. У меня сейчас своё, мать его, «приключение» будет, ничуть не хуже.

Следователь Особого Отдела ЦПУ^[31] капитан Долгин Василь

Железнодорожная станция «ВЧ^[32] 16732»

Путь капитана Долгина к текущей своей должности и званию был прихотлив и извилист, причём без особого какого-то на то старания со стороны самого Василя. И ведь не сошлётся же на казачьи традиции и казачьи же корни – други-станичники служили и служат, а жизнь «закрутила» только его! Ну вот везёт ему на «приключения» – и что ты будешь делать?

Начинал службу Долгин не с ВТУ, а сразу с военного вуза – как и положено представителю династии потомственных адептов пути Воина. Казаки после домашнего обучения – уже готовая войсковая разведка или армейский же спецназ: «скрыт» – знаменитые навыки предков-«пластунов» с Дона, «казачьи ухватки» – давно сложившиеся в систему боя без оружия, и готовность любое оружие, если оно есть, по необходимости применить – от камня, найденного в кустах, и до только что захваченных арт-систем и мобильных пусковых ракетных установок. Это всё не считая сабельного фехтования – дисциплины в современной войне не сильно востребованной. Вот это фехтование Долгина и подвело – на летней практике на четвёртом курсе – оно и бухие танкисты. Точнее, сам Василь даже не опьянел – тренированному адепту пути Воина органические яды страшны в гораздо меньшей степени, чем обычному человеку. Просто кураж нашёл – молодой он ещё был, глупый: перед «полевой игрой», слово за слово, и поспорили за хрестоматийное «с пашкою на танк»^[33]. Пospорили – и, «не отходя от кассы», решили проверить. Оружие на танке было заменено на учебное – холостые в пулемётах плюс видеорегистратор. А вот пушка была снаряжена маркерно-дымовым, как оказалось...

В отличие от экипажа, Василь практически не пострадал. Из военного университета казака не выперли, но честно предупредили – экзамены он теперь не сдаст никогда. Только не после того, как ректора и деканов залило маркерной краской – хорошо ещё около банкетных столов и шашлычницы именно в этот момент никого не оказалось: причём здесь курсант Долгин, или просто неудачно мимо проходил – это не тот вопрос, который кого-то волнует. Перевестись в любой другой военный вуз не получалось, к счастью, двоюродный дядя поспособствовал парню избежать позора стать рядовым-«перестарком» (правда, смеялся над причинами минут двадцать не переставая), зачислив в академию МВД... с потерей двух лет обучения. Вот так из казака получился младший лейтенант полиции, которого немедленно по выпуску «с руками оторвал» полицейский спецназ: там обученных адептов пути Воина постоянно не хватало.

Контракт кадрового офицера, неважно, полиции или армии, подразумевал пять лет службы по распределению – и казак был полон решимости по его завершению всё-таки перевестись на службу в армию. В спецотряде «Беркут» он оказался самым молодым Воем – в полицию из армии шли дядьки в годах, не продвинувшиеся, как того желали, по лестнице званий, и не желавшие «просиживать штаны» в качестве инструкторов на базах подготовки рядового и сержантского состава, либо преподавателями в ВТУ. Так что в спецоперациях активного типа, вроде захвата подпольного цеха по производству химических стимуляторов реакции, позволявших маргинальным элементам на какое-то время потягаться с адептом

невысокого класса, Долгин всегда оказывался в первых рядах – не только из-за возраста, разумеется, ещё и из-за родовых навыков. Получил несколько знаков отличия, и даже внеочередное повышение, которое позволило ликвидировать двухлетний разрыв между ним и казаками-одноклассниками, что нормально выпустились из военного института. И вот, на четвёртом году службы, когда Василь уже мысленно прикидывал, к кому из многочисленных родственников пойти на поклон – мол, пристрой к себе (урок с мыканием во время учёбы пошел впрок), спецполицейский... взял и влюбился.

Причём всё опять началось по-глупому: действующие спецназовцы полиции отпуска имели стандартные, чего в такой нервной работе было недостаточно. Потому, послушав психологов, начальство изобрело финт ушами – инструктора по оперативной работе курсантам академии нужны? Ещё как! Особенно если имеют, так сказать, непрерывный боевой опыт, а не как «обычные» опера. Для «обычной» полиции захват и задержание оказывающих активное сопротивление преступников – «вишенка на торте», а для спецотряда «Беркут» – ежедневная работа. Вот пусть и учат, и опыт передают. Дошла очередь и до лейтенанта Долгина. Учебная группа, курсанты... а среди них – Она. Как добивался внимания красавицы-курсантки «настоящий офицер спецотряда» – опустим, ничего такого необычного: награды и рассказы, сформированная личная учебная оперативная группа на курсовую работу. Для последнего – пришлось побренчать медальками, «тупой боевик», по мнению «настоящих» полицейских, работавших над раскрытием дел, в наставники чего-то, кроме самой «боёвки» не годился. Но – разрешили. Уже потом, задним числом, Василю стало ясно – всё из-за той же красавицы: дядя её оказался генералом на службе в ЦПУ. А не отвечала она на знаки внимания явно, потому как хотела продемонстрировать – не красотой единой хороша. Показать хотела – если она не ровня красавцу-лейтенанту, то хотя бы «на уровне». Показала... на контрольную отсечку времени, после организации уличного слежения за вполне реальной шайкой, учебная группа не пришла.

Долгин действовал строго по инструкции: тревожная кнопка, доклад о ЧП... увы, телефоны и радиомаячки курсантов нашлись в трёх разных мусорных баках на трёх окраинах Петрограда. «Накрытие» известного «логова» ничего не дало – похоже, не в меру талантливые курсанты вышли на «крупную рыбку» – и решили предъявить результат «на блюдечке». А вроде взрослые люди уже – под двадцать два года было лбам... Был объявлен «план-перехват»: полетели ключья от подпольных торговцев дурью, закрывались притоны и «клубы досуга», – но оперативные меры ничего не давали. Через сутки Василь нарушил половину своих инструкций и начал действовать сам. Как казак за линией фронта – этому его ещё в семье хорошо научили. Спустя шесть расчленённых тел (так прятать проще) со следами полевого допроса и полторы тысячи километров на восток, пройденных за три дня (пришлось доставать не только информацию, но и оружие со взрывчаткой) адепт пути Воина замкнул радиозапалы и в одиночку штурмом взял «охотничий» особняк одного купца первой величины. К тому моменту он загнал себя в состояние изменённого сознания при помощи отчасти трофейной «химии», отчасти – родовой техникой, которую до того не мог освоить. «Доказательства», добытые упомянутым путём, не являлись достаточно весомыми, чтобы инициировать спецоперацию – со стороны бандитов, как и упоминалось, работали профи. Правда, против «двинутого» одиночного противника адепты Духа слажали... ну а дальше – дело техники. Курсанты нашлись – живые, пострадавшие немного лишь от штурма... все,

кроме генеральской дочки. Она действительно многое могла и умела, обучение у казака так же пошло впрок – потому её захват прошёл не по плану. Переломы костей конечностей, осложнённые длительной неподвижностью под очередной «химией»... врачу бандитского босса, когда «пациентку» доставили, пришлось для спасения жизни ценной заложницы провести ампутацию обеих ног, спасая остальное тело от начавшейся гангрены...

Узнать, кто же таинственный налётчик, точнее, ах, конечно же – группа налётчиков, случайно спасших курсантов, так и не смогли: жалость, жалость. Наверняка разборки конкурентов, ага. Так же жаль было и тяжело переживавшего пропажу курируемой группы и оттого ушедшего в отягощенный «веществами» злостный запой (официальный диагноз) лейтенанта Долгина – ему объявили выговор без занесения и отправили в больницу на лечение. Из больницы, правда, выпустили только в диспансер-пансионат на психологическое кондиционирование, потом долго мотали по специалистам врачебных комиссий. Потом... в общем, было понятно – один раз «слетевшего» (пусть все кому надо и знают, что по делу) Воина, к спецоперациям больше не допустят. И, заставив израсходовать на врачей остаток дней службы, контракт просто не продлят. А «больничная» отметка в личном деле и четыре месяца по кондиционированию после «срыва» поставят крест на возможности службы в любом спецназе – не говоря уже о войсковой разведке.

Отдельно «порадовала» любимая девушка. Когда её выпустили, наконец, из больницы, она спешно отбыла в монастырь – правда, написав подробное письмо, в котором просила и умоляла Василя «найти другую», потому что она сама способна только стать ему обузой на всю жизнь. Разумеется, для дочери генерала обязательно нашелся бы мастер Духа, способный вернуть утраченные конечности – пусть и не мгновенно, как только Христос мог, но за вменяемый срок. Но девушка уперлась и твердо решила пойти по стезе Духа самостоятельно: полным самоотречением от Мира и прочими «прелестями» аскезы – только так можно было добиться большого прогресса тому, кто увечен телом. Не зря сказано – «в здоровом теле и дух здрав», верно было и обратное.

Скорбное письмо от теперь уже безвозвратно потерянной любимой казаку передал сам генерал Макаров – одновременно вместе с приглашением в Особый отдел Центрального Управления Полиции, подразделения, непосредственно подчиняющегося замглавы ЦПУ. Конечно, для квалификации следователя, необходимой для работы там, казаку требовалось пройти переподготовку, – но тут как раз не было ничего сложного. Главное, такая работа позволяла погрузиться в себя с головой и полной самоотдачей – именно то, что Долгину сейчас и требовалось. Занимался спецотдел, к слову, делами, на которые, по уму, нужно было отправлять команду следователей с прикрепленной силовой группой, – но позволить себе ЦПУ мог выделить только одного или двух человек. Лично Василь всегда работал один...

...очередной эшелон остановился в одном из оборудованных чисто символическими «платформами» тупиков – и к нему немедленно заспешили солдатики-срочники, подгоняемые интендантами, и наряд военной инспекции – требовалось зарегистрировать всех прибывших, пока они не канули, как в воду, в суету разворачивающихся учений. По идее, комендатура должна была сама дожидаться, когда в её стены пожалует очередной солдат или офицер с предписанием, но в таком аду некоторые штаны забывали надеть (на полном

серьёзе), не то что пойти и вовремя поставить отметку... Человек в штатском сразу привлёк внимание патрульных – выделялся, как ворона среди попугаев, своим серым пиджаком. Учитывая, что гражданских на территории станции вообще быть не должно было, «комендачи» сразу сделали стойку.

– Следователь по особо важным, полиция, ОО ЦПУ, – разочаровал их «шпак», демонстрируя корочки, от которых рядовые резко поскучнели, а офицер, ими командующий, скривился как от разжеванного вместе с кожурой лимона. – Мне нужно встретиться с генералом Мамедовым. Желательно – как можно скорее.

Часть 2

«Прогулка» после школы

За нашей лабораторией в «Каменном цветке» был закреплён отдельный СПВ-транспорт, специально предназначенный для перевозки и предстартовой подготовки изделий. Такой же жёлтый катер, как и СВП-«автобус», отличавшийся только подъёмником с телескопической стрелой, закреплённым над крышей, – вроде того, что используется в автоэвакуаторах. Впрочем, «фурия» могла стартовать и прямо из салона – крышу и боковые стенки для загрузки-выгрузки дрона-геликоптера так и так пришлось делать раздвижными. Там же были смонтированы и пуско-наладочные стенды, дублирующие оборудование лаборатории. В полевых условиях автономный комплекс должен был стартовать «с колёс», причем с любых: корпус дрона специально вписали в габариты кузова трехтонного грузовика или грузового железнодорожного вагона, а команду на старт мог дать оператор с обычного армейского планшета – лишь бы было кому лопасти винтов перевести из походного положения в боевое. Но это всё касалось только «изделия «Агат», а с «изделием «Ирис» было всё одновременно и проще, и гораздо сложнее.

Когда я добрался до конца улицы, наш «автобус» уже меня ждал. Все как обычно – не в первый раз, разве что «дёргало» за нервы то, что сегодня я буду работать с «Ирис» один, без подстраховки в лице Маркулова. Волнение же помешало вовремя понять, что именно мне кажется странным, и только подойдя к борту транспорта, я вдруг понял, что. На ступеньке трапа у пилотской кабины сидел и меланхолично любовался перекатывающимися зарослями ковыля пилот. В одиночку.

Дружинники Тогжан-бека все до одного были типичными монголами – малоэмоциональные загорелые лица, выражение лица такое, как будто они уже познали дао (хотя все до единого верили в Аллаха) и в общем-то больше никуда не торопятся и ни о чём не волнуются. За «Цветком» и его изделиями была закреплена отдельная бригада сопровождения – Тархан, пилот «автобуса», в неё, кстати, не входил. Не то чтобы Абишев меньше доверял остальным своим вассалам-родственникам, просто именно эти парни были специально подготовлены и могли в случае чего оперативно сориентироваться, если что пойдёт не так – и помочь. И они точно так же, как и Тархан, не стали бы торчать в салоне: родным детям степи даже полуденная жара была побоку.

– Привет! А где остальные? – у меня ещё оставалась хрупкая надежда, что дружинники могли пойти «до ветру» или до ближайшего магазина и сейчас подойдут – я-то не ожидал, что меня выпрут с практики так быстро.

– Только один пассажир. Маркулов-ички^[34] сказал – пусть сидит, тебя ждёт.

– Ага. – Ш-шайтан!

На всякий случай я всё-таки поднялся в салон. Пассажирский отсек катера действительно похож на автобусный – два ряда кресел, проход посередине, поручни. Только одно исключение – отдельная выгородка в самом конце, этакая каюта-купе, с диванчиком и столом. Вот там и ждал меня пристегнутый ремнями безопасности к креслу означенный пассажир. Вернее, ждала – очень красивая черноволосая девушка с чуть азиатскими чертами лица, изредка поворачивающая голову и бросавшая взгляд то в правое окно, то в левое.

Девушка... То, что выглядит, как девушка. Робот с высокой степенью внешнего сходства с человеком, или, как таких было принято называть в фантастике моего родного мира – андроид. Изделие «Ирис», вторая часть разведывательно-диверсионного комплекса «Агат-Ирис». «Камень» и «цветок» – всё точно по названию лаборатории. Я ещё раз посмотрел на результат, в том числе и своей четырехлетней работы – и потянул телефон из рукава халата. Если кто думает, что я буду «выгуливать» андроида в одиночку – сейчас ему расскажу, как он ошибается.

Если бы мне кто-нибудь ещё до попадания сказал, что шасси человекоподобного робота можно построить за четыре года – я бы тому рассмеялся в лицо. Нет, может, и можно – но сколько это будет стоить? Однако, как выяснилось, этот мир сумел в чём-то обогнать мой, а люди в Великой Империи способны сотворить чудо без оглядки на финансы. Труднее всего, как ни странно, было найти подходящую искусственную кожу и глаза-камеры, а вот элементы титан-керамического скелета Абишеву сделали «партнёры, занимающиеся авиацией». Тогжан-беку пришлось нам, прошедшим Врата, кое-что разрешить узнать – просто чтобы мы понимали, откуда можно было «позаимствовать» необходимые элементы для сборки дрона и андроида. Кости Ирис, лопасти и силовые элементы корпуса «Агата» в итоге просто «отпечатали» на специальном станке: там, где для себя делают силовые элементы разработчики истребителей шестого поколения. Как оказалось, в частном КБ такого же, как и наш босс, «оружейного барона» – только покрупнее и из Сибири. Оттуда же взялся материал для синтетических мышц, приводимый электрическим током – у машины была спроектирована адаптивная обшивка из независимо-подвижных чешуй на манер рыбьей. Кроме того, в аэрокосмическом аппарате был ещё один необходимый нам элемент – «сердце» обоих изделий, водородный топливный элемент, без которого суперистребителю будущего хватало топлива от силы на двадцать минут полёта. Рассчитался за все предоставленные части Абишев бартером и вперёд – «продал» сибирякам профессора Вихро. Собственно, без плазменных двигателей и некоего «плазменного кокона» чудо-машина всё равно не могла показать добрую половину заложенного потенциала.

Бывший руководитель НПО «Вихрь», надо сказать, был совершенно счастлив: все три раза, когда он приезжал, помолодевший физик буквально лучился энергией и положительными эмоциями. Как он сам выразился, «ну тут-то я своё всё давно уже сделал, остальное в ваших руках, батеньки». А ещё ученый, которого оценили по заслугам, аккуратно намекнул нам, «откуда дровишки». Намекнул не мне, а своей четверке «вихревцев», но я вроде бы тоже правильно понял: продвинутых частников-оружейников, занимающихся высокоточным и высокотехнологичным оружием, всего было то ли шесть, то ли семь – и работали они совместно, как единый холдинг, и под крылом кого-то из Тайного города, фактически под патронажем Императора напрямую. Что, кстати, было вполне в духе традиций – монарх, хоть официально и не принимал участия в управлении страной, оставался Верховным Главнокомандующим. В военное время, если не дай бог такое настанет, ему переподчиняется не только армия, но и все гражданские службы и институты, а в мирное – даже армия управляется Министерством обороны. Монарх же в мирное время возглавляет только генеральный штаб. Шестёрка или семёрка продвинутых «частных военных разработчиков» была своего рода «государством в государстве»: армии никак не подчинялась, все – прямые вассалы Императора, все имели привилегии по поводу частных

дружин, налогов и прочего, и вместе образовывали, как я понимаю, своего рода бустер, который в случае военного конфликта должен был рывком «подкинуть» технологический уровень армии Великой Империи до уровня врага. Повторения ошибок Великой Войны, когда у армии противника оказались пулемёты, аэропланы, дирижабли и ядовитый газ, а у имперской – даже не у всех частей было проведено перевооружение с капсульных штурмовиков, никто не хотел...

Разумеется, у меня сразу возник вопрос – а почему, собственно, такую структуру нельзя было сделать в рамках государственного ВПК? И... я никому его не задал. Некоторые вопросы нужно держать при себе – так, для собственной безопасности. Зато другой вопрос я сейчас не просто хотел задать – должен был. И начинался он со слов «какого хрена?».

– ...Аппарат абонента находится вне зоны действия спутниковой сети.

Я посмотрел на трубку в руке, испытывая сильно противоречивые чувства. Маркулов был недоступен, недоступны были и остальные трое «попаданцев»-вихревцев. Голосовое предупреждение о недоступности абонента недаром звучит без слова «выключен» – даже отключённый спутниковый телефон продолжает обмениваться сигналами с орбитальной группировкой в экономичном режиме, а местные телефоны все как один снабжены аккумуляторами повышенной емкости. Разломать персональный спутниковый маяк очень тяжело, но телефон всё равно служит дополнительным маяком – подразумевается, что сателлофонами люди пользуются там, где нет сотового покрытия, то есть где-то сильно в глуши. Когда человек потерялся посреди степи, тайги или тундры – никакое дублирование средств аварийного обнаружения не лишнее. Потому попасть «вне зоны действия сети» можно только двумя способами: или разобрать трубку и вынуть аккумулятор, или забраться под землю. Ш-шайтан! Понятно, что личную связь отрубили на время испытания «фурии» – но зачем?! Я даже командиру группы сопровождения дозвониться не могу. На сообщение по электронной почте ответ тоже ожидаемо не пришёл. Проклятье... придётся побеспокоить самого.

– Тогжан-батыр! Простите, но я вынужден вас побеспокоить прямо сейчас, – в отличие от сотрудников лаборатории «Каменного цветка», босс ответил почти сразу. Абишев из-за своей деятельности был вынужден мотаться по всей Монголии, а бывало – и по всей Империи: где он мог быть сейчас, и сколько времени в том часовом поясе, я старался даже не думать. Разумеется, при такой работе бек терпеть не мог, когда его беспокоят без крайней необходимости: нужно – сам позвонит или назначит встречу.

– Слушаю тебя, Егор.

Я непроизвольно поёжился: бек даже по телефону... внушал и подавлял, даже когда не собирался этого делать. Невысокий, как и все его предки, мужчина с невыразительным восточным лицом, в одежде предпочитавший, как подавляющее большинство живущих в Ундерхаане и окрестностях, современную версию традиционного монгольского халата. Тут таких трое на десяток встречных точно – пройдёшь мимо и внимания не обратишь... пока он с тобой не заговорит. Брр! Сразу становилось понятно, отчего у Абишева получалось успешно заниматься разработками перспективных видов вооружения, и что предки у него на много поколений назад не какие-то там пастухи, а воины и владетельные князья^[35].

– Мне привезли на «уличные» испытания... цветок, – несмотря на то что на трубке успокаивающе мигал зелёный светодиод активного скремблера^[36], я всё равно старался говорить так, чтобы упомянуть как можно меньше конкретики. Мы друг друга поймём, а если поток голосового трафика всё-таки перехватят и расшифруют, пусть поломают голову, что имелось в виду.

После прохождения Врат и до того, как закончилась стройка «Каменного цветка», мы несколько месяцев прожили на благоустроенной усадьбе где-то на Дальнем Востоке. Попасть туда можно было только на «вертушке», и она раз в неделю привозила продукты. Работать было не на чем и не над чем – всё, что попало сюда вместе с нами, включая одежду,

ребята Тогжана забрали на изучение, связи не было, гулять можно было только вокруг дома, – но скучать не пришлось. Новый босс очень не хотел, чтобы у его подчиненных появлялись в связи с нашими словами и действиями странные вопросы, потому несколько самых доверенных лиц занимались нашей адаптацией и подготовкой. Беседы с работником службы собственной безопасности бековской конторы мне врезались в память особенно хорошо – мужик умел внушать. Вихро и четвёрка НПО-шников воспринимали всё как должное – видно, нечто подобное уже было во время их работы во времена Союза, а вот мне порой было... очень некомфортно. Зато урок пошел впрок.

– Я в курсе, – перебил бек. – Выполняй то, что запланировано.

– Один?!

Всего два месяца назад мы в первый раз привезли Ирис в Ундерхаан – разумеется, до этого проведя массу тестов, как в лаборатории, так и под открытым небом. Благо здесь это просто: отъехал от зданий в степь на пару десятков километров – и делай, что хочешь. Андроид прыгала и бегала, преодолевала специально построенную полосу препятствий, атаквала манекены с оружием и без... и не только манекены. БИУС справлялась... хорошо. Просто прекрасно справлялась: моё желание «покреативить» невероятно удачно дополнило базовые алгоритмы Маркулова. Большой удачей в итоге оказалось то, что у нас в руках оказался только тот вариант управляющей системы, над которым до перехода поработал я – иначе бы его никогда не использовали вообще. Программера-вихревца вся ситуация ужасно раздражала, пожалуй, в старом мире Егора Далеева при аналогичном стечении обстоятельств побили, возможно даже ногами. Но на ребенка старый (точнее, теперь уже не старый) холостяк Маркулов руку поднять не смог, да и простил быстро. Особенно, когда появились результаты. Правда то, что в нашем прогрессе с ПО была большая заслуга скорее счастливого случая, разработчика БИУС очень раздражало. Зато – у нас теперь были рабочие «мозги» для андроида... Как оказалось, вовремя.

Не знаю, сколько бы ещё мы тестировали и проверяли Ирис, подозреваю – не меньше года, но тут сверху поступила задача: немедленно готовить прототипы к итоговым испытаниям. Протестировать программу адаптивного поведения и социальную мимирию можно было только в населённых пунктах – и нам волей-неволей пришлось рискнуть. Сильно рискнуть. Во время первого вывода «в свет» наше «изделие» – ранним утром выходного дня – сопровождала «вся королевская конница и вся королевская рать»: дружинники из лабораторной бригады достали для поездок по городу микроавтобусы, обвешались оружием – на случай если Ирис «перемкнёт» сразу и на активацию боевого алгоритма, и на удалённый контроль. Предпосылок к этому не было, но нам всем, от разрабов до последнего стрелка, было очень, очень ссыкотно. Да-да, именно это слово, и я ничуть не стыжусь признаться: поставьте себя на наше место. Наш «цветок» не просто так обрёл «плоть и кровь» в качестве человекоподобного робота: вторая часть комплекса должна была «работать» преимущественно против людей.

Покрутив так и эдак техническое задание Абишева, вихревцы четко и однозначно сказали: дрон, сколько бы оружия на него ни повесить, просто не способен решить весь спектр предполагаемых задач – нужна поддержка с земли. Желательно, чтобы летающая боевая платформа сама диверсанта и доставляла: это давало значительное ограничение по

массе и конструкции наземного автономного блока, зато снимало все остальные вопросы. Вот по этой причине – ну и ещё ряду – была выбрана человекоподобность шасси «Ирис». Сначала робота хотели сделать только похожим на человека с расстояния, пока он не подойдёт достаточно близко, потом стало понятно – можно добиться больше, и ТЗ расширили. И ещё раз. И ещё. И вот то, что в итоге получилось – сидит на диванчике напротив меня и выглядит пугающе человечно. Или даже не пугающе – а это, если разобраться, еще страшнее.

– Один, – отрезал бек, но всё-таки «объяснил»: – Я ознакомился с отчетами предыдущих испытаний и утвердил такой формат. Приступай.

– Но...

– Приступай. – От давления в голосе меня натурально передёрнуло. – Вы меня убедили, что все получится, значит – получится. Так надо. Я оставил Тархану инструкции на ваш счёт. И не звони мне больше сегодня.

Я отнял трубку сателлофона от уха и едва не выронил аппарат – рука натурально тряслась. Вот с-с... шайтан. Проклятье... Хорошо ещё, что Абишев предупредил насчет инструкций пилоту – иначе бы я просто сказал Тархану, что нас нужно везти обратно в «Каменный цветок», и получилось бы прямое неподчинение приказу. Тогжан-батыр такое поведение решительно не понял бы... Ладно.

– Н-ну что, Ирис, – мой голос против желания дрогнул: воля босса даже с расстояния в неведомые километры качественно придавила. Андроид повернула голову и посмотрела на меня, я на неё, и это внезапным образом меня успокоило. Алгоритм ведь и вправду работает, а за время испытаний не было ни одного серьёзного сбоя... И за последние три раза – вообще ни одного. – Пойдёшь со мной гулять?

– Пойду, Егор, – мелодично отозвалась «девушка» и вполне правдоподобно улыбнулась.

- > Запуск обзорного ускоренного^[37] тестирования.
- > Энергосистема... 87 % заряда. Пройдено.
- > Опорно-двигательная система... 640 из 640^[38]. Пройдено.
- > Основные сенсорные системы... 5 из 5. Пройдено.
- > Дополнительные сенсорные системы... 3 из 3. Пройдено.
- > Блок управления... 1 из 1. Пройдено.
- > Самотестирование БИУС... ожидайте... ошибок не обнаружено. Пройдено.
- > Тестирование пройдено, все системы в норме. АНМ^[39] к эксплуатации готов.

– Ирис, активный шаблон? – я оторвался от планшета и посмотрел на... да уж. Ну пусть будет – подопечную.

– Что, прости? – андроид удивлённо распахнула глаза, губы чуть приоткрылись – программа довольно достоверно изобразила эмоцию «лёгкое удивление». Я хмыкнул и кривовато улыбнулся – работает. Это дополнение стоило мне и Маркулову седых волос, фигурально выражаясь. Робот, который не должен на людях отвечать как робот, но при этом должен обрабатывать голосовую информацию и адекватно реагировать... Так, где там Тархан? Всё ещё снаружи. Отлично.

– Отмена статуса «Мимикрия».

– Статус поведения «социальная мимикрия» снят. – Лицо Ирис перестало отражать какие-либо эмоции, пропала моторика тела, кроме имитации дыхания^[40]: вроде бы ничего явно не поменялось, но при взгляде на собеседницу сразу стал ощущаться неуловимый дискомфорт. Действует, даже если знаешь, в чём дело: та самая легендарная «зловещая долина» Масахино в действии^[41]. А вот голос, хоть и утратил интонации, не поменялся.

– Ирис, активный шаблон? – я контролировал реакцию «цветка» по планшету. Похоже, мне всё время «прогулки» придётся таскать компьютер в руке.

– Активен шаблон действий «иммобилизация».

– Смена шаблона: «сопровождение».

– Подтверждаю: активирован шаблон действий «сопровождение». Объект сопровождения: Егор Далеев, – Ирис плавно и текуче встала.

Собственно, задача делать шаблон сопровождения для андроида ни из исходного, ни из расширенного технического задания никак не проистекала – это было чисто моё и Маркулова «творчество», наспех разработанное после того, как появился приказ об итоговой обкатке прототипов. Разумеется, обоснование было немедленно придумано: охрана и защита «фурии» во время наземной транспортировки или охрана уже дроном некоего движущегося или неподвижного объекта. Реальной же причиной введения нового режима, как можно догадаться, было желание буквально не отпускать робота от себя во время «прогулок».

– Активировать статус «мимикрия».

– Хорошо. – Я с облегчением перевел дух: Ирис «оживила». – Мы вместе здорово проведём время!

– Ну ещё бы, – я не выдержал и фыркнул.

«Наследство» моей первой версии, «дополненной» БИУС, самообучающийся алгоритм для поиска информации и поддержания разговора, прекрасно справлялся со своей задачей – не повторялся, более-менее адекватно попадал в интервал допустимых ответов и периодически радовал меня и окружающих новыми «перлами». Настолько радовал, что без социомимикрии голосовую часть пришлось принудительно ограничить перечнем формализованных ответов. Потому что если дрон-вертолёт, сообщающий вместо «Данных для составления боевой задачи недостаточно. Продолжить выполнение задания?», что-то вроде «мне точно стоит лететь туда, не знаю куда и искать то, не знаю что?», операторов, может, только позабавит, то от андроида будут отпрыгивать, как от заговорившей могильной плиты. Собственно, иллюстрацию на эту тему я вживую увидел как раз за две недели до первой «прогулки» по Ундерхаану.

Думаю, хоть мои коллеги своё отношение особо и не демонстрировали, от сотрудника службы собственной безопасности, который с нами «работал» до переезда в Монголию, не самые приятные воспоминания остались у всех, а не только у меня. Хотя до меня он докапывался особо – шпак, да ещё и сопливый двенадцатилетка с совершенно непонятным «гонором». Видно, Абишев с самого начала приказал что-то вроде «действовать, несмотря на возраст» – вот он и действовал. Ну, что поделать – вот такая собачья работа у мужика: сказали научить ребёнка соблюдать базовые процедуры безопасности – умри, но заставь. Нужно ли говорить, что плохо в итоге было и мне, и ему? С другой стороны – как и упоминал ранее, запомнил я все его «наставления» очень даже хорошо... Сейчас мне это особенно легко признать.

Ирис в тот день мы в очередной раз сняли со стенда и, активировав «мимикрию», по очереди «общали» – проверяли алгоритмы поведения на себе: как реагирует, если обращаются сразу два человека, что говорит, когда вопрос задан не конкретный, а об абстрактных понятиях – ну и прочее. Точнее, тестить «цветок» начали с утра, а я присоединился уже после школы, когда остальные порядком устали. Настроение было хорошим: на улице безоблачно, в кои-то веки тёплое, после морозных зимних дней, солнце (шайтанов резко континентальный климат иногда особенно напрягал) – в общем, весна уже чувствуется, а не просто является календарным фактом, и отчаянно хочется выкинуть что-нибудь... такое-этакое. Я, правда, сначала ограничился тем, что заставил подопечную надеть лабораторный халат и по-быстрому отпечатал бейдж:

*Мл. научный сотрудник
Ирис Цэцэг
Лаборант*

Спонтанно придуманная «фамилия» меня особенно порадовала – получилась знатная игра слов: «цэцэг» – по-монгольски «цветок», а слово «армия» отличается всего на одну букву – «цэрег». Хорошо, хватило ума не продекламировать вслух немедленно пришедшее на ум «Мама – а-а-армия, папа – Иван Маркулов!^[42]». Вихревцы к моим нечастым «детским» выходкам относились более-менее с пониманием: разум взрослого человека обычно уравновешивал душевные порывы, но иногда накатывало. Обычно без особых последствий, хотя прошлогодняя идея... М-да.

Затея поиграть с Ирис в снежки после очередного прогона на полосе препятствий оказалась и правда не самой умной: между собой мы перебрасывались нормально – шаблон «тренировка» позволял БИУСу различать реальный бой и учения. Я наслаждался игрой, было весело, «цветок» училась попадать незнакомым типом метательных снарядов – видимо, выглядело со стороны это действительно весело и безобидно. Когда захотел присоединиться самый молодой из дружинников, «поддержав» меня «огнём», я ничего не имел против. И прежде чем до меня дошло, что парень не прикалывается, а вздрагивает и отшатывается назад от каждого ответного попадания чисто из-за физики полёта импровизированных снарядов, андроид успела приложить его четыре раза за десять секунд. В принципе, программа даже всё правильно рассчитала: адепт Пути Воина гораздо прочнее и опаснее почти не тренированного подростка, и потому для условного поражения тренировочной мишени требуется больше кинетической энергии... Но всё равно было неприятно. Особенно когда нам в лабораторию принесли снимки из медицинского кабинета нашего «санатория» для анализа результата – аккуратные круглые такие синяки...

...В общем, текущее развлечение я посчитал безобидным. Для антуража я не поленился притащить в основное помещение из комнаты отдыха круглый стол, два стула, чайник и чашки (пить Ирис не могла, но ради создания атмосферы) и принялся... гм, флиртовать. Типа – у нас «первое свидание». Задавать вопросы с подтекстом, точнее, и наслаждаться ответами. Было весело – особенно «учить» алгоритм после ошибок и создавать ситуации повторно. Маркулов косился на всё это неодобрительно, но доказывать ничего не стал, а может, ему втайне нравилось, что я учу «цветок» «динамит» потенциальных кавалеров. Ну и, разумеется, именно это время выбрал безопасник, чтобы явиться в наши подвалы. Явиться без предупреждения, хотя его задачей была подготовка к «прогулкам» личного состава нашей «особой бригады», – но профессия уже слишком въелась в мужика.

В отличие от дружинников и прочих силовиков, СБшники обычно идут по Пути Духа – он лучше подходит для сбора и анализа информации. Нагрянувший тоже был адептом, причём явно неплохим – стать доверенным лицом Тогжан-бека просто так было нельзя. И что он увидел на объекте? Мало того что сотрудники «Каменного цветка» в рабочее время, прямо на рабочем месте устроили чаепитие, так ещё и присутствует совершенно незнакомый «лаборант» – бейдж, одежда и поведение не позволили узнать «изделие» в беззаботно улыбающейся девушке. Реакция последовала незамедлительно – никто не успел среагировать, как безопасник уже надвинулся на удивлённо повернувшую голову Ирис и задействовал свои способности. Просто попытался «прощупать» волевым усилием – почувствовать человека... и ощутил пустое место, разумеется. Видели когда-нибудь, как здоровенный, немолодой и уверенный в себе дядька белеет от ужаса? Я вот увидел. Потом уже я узнал от Маркулова, что четвёрка «вихрёвцев» отпоила-таки СБшника коньяком, и тот признался – решил, что всё, съехал с катушек. Вредная профессия, что ни говори... Вот так я и «отыгрался» за первый период знакомства, хотя предпочёл бы этого не делать.

– Ладно, идём уже, – скорее себе, чем «цветку», сказал я, ещё раз проглядывая список запланированных «тестов» для сегодняшней «прогулки». – Нас ждут великие дела!

Знал бы, что вокруг начнётся буквально через несколько часов – прикусил бы свой

длинный болтливый язык! Увы, так «заглянуть вперёд» не под силу даже самому сильному мастеру Духа, куда уж тут мне...

Так получилось, что «прогулки» с Ирис с самого начала оказались завязаны на меня. Просто потому, что сопровождать боевого диверсионного робота в незнакомой и очень сложной для анализа БИУС среде (и разруливать ситуации, если в процессе общения андроид поведёт себя странно) должен был кто-то, кто заметит возможные отклонения в действиях машины визуально, пока не стало слишком поздно. Маркулову же пришлось лезть в фургон с аппаратурой и несколькими бойцами из «особой бригады» – второй программист занимался отслеживанием работы ПО в реальном времени с той же целью и ни на что не отвлекаясь. Иван, конечно, для вида поупирался, когда пришедший в себя после нервной встряски безопасник показал разработанные им лично рекомендации для «проведения комплексного испытания в городской среде»: не смотря на знание моего настоящего возраста, подспудно даже коллеги воспринимали меня, как подростка. СБшник бледно улыбнулся – и в минуту продемонстрировал быстро стушевавшемуся программисту, что тот сам будет выглядеть на улице Ундерхаана натуральной белой вороной, в отличие от «цветка», кстати.

Первая прогулка вышла недолгой, нервной и напряжённой: да, для Ирис мирное общение с людьми было не в новинку, но социальные ситуации не накладывались друг на друга так часто и плотно, а тут – объектов и субъектов вокруг было слишком много, они все были новыми и незнакомыми. Но – обошлось. БИУС справилась, а процессорных мощностей хватило, и с большим запасом. Все дружно выдохнули. Второй выезд в город той же группой был уже более спокойным – «цветок» нормально справлялась в магазинах с покупкой продуктов, спрашивала время и дорогу – никто и не заподозрил под внешностью миловидной незнакомки андроида. На третий раз группу силового сопровождения сократили до трёх человек. На четвёртый – Маркулов остался на базе: контролировать процесс можно было и удалённо. А на шестой Ирис в первый раз вступила в бой под личиной человека. Правда, бой был учебно-тренировочный – всего лишь небольшой спарринг с тренером, учащим обращаться с мечом всех желающих за небольшие деньги. К моему удивлению, шифу, похоже, ничего не заподозрил: после «игры в снежки» я сильно постарался «объяснить» управляющей программе разницу между игрой, тренировкой, учебным поединком и учебной же боевой задачей. Похоже, получилось.

По сути, первомайская^[43] «прогулка» и успешная запись Ирис в группу учащихся фехтованию стала переломным моментом тестирования – по результатам уже теперь было ясно, что мы в целом справились, и следующая и последняя проверка – это реальный бой с настоящим противником, убийствами и диверсией. Фактически дальнейшие городские выезды были рутиной, наработкой статистики и тренировкой самообучающегося алгоритма – вероятность фатального сбоя падала с каждым разом, «цветку» всё проще и проще было разбираться в незнакомых социальных ситуациях... Но такой успех вовсе не означал, что всего на двенадцатый выход я должен буду вести андроида один и вообще без подстраховки!

Я не Гай Юлий Цезарь и не могу одновременно мониторить поведение робота и работу БИУС. Ладно бы шайтан с группой сопровождения, – но ПО прототипа АНМ всё ещё активно дорабатывалось, если бы о ситуации предупредили заранее – я бы не стал делать

последний апдейт системы. Да, повлиять на работу всего остального он не должен был – наоборот, улучшить, но программирование сверхсложных систем, где большая часть алгоритмизации генерируется уже самой программой, исходя из опыта ситуаций (то самое пресловутое самообучение), всегда сопряжено с риском ошибки. Одна недоработка, ошибка кодера, которая могла быть совершена к тому же хрен знает сколько месяцев или даже лет назад, редкая, не возникшая ранее ситуация – и всё идёт вразнос! Запуск автоматизированных систем такой сложности, как у нас, сопоставим по сложности с ракетостроением: шестьдесят лет запускаем их в космос, и до сих пор вылезают накладки. Конечно, программу проверить проще, чем трубу космического носителя, заполненную кислородом, керосином и кучей механики с электроникой, в БИУС внесены специальные протоколы, позволяющие находить и исправлять ошибки автоматически, а базовый код Иван Маркулов «вылизывал» десять лет дома и четыре года здесь... но, как я и сказал выше – это лишь предпосылка меньшей вероятности сбоя. Вопрос – насколько меньшей? Впрочем, переживать всё равно уже поздно – всё решили за меня. Остаётся только расслабиться и наслаждаться прогулкой... В конце концов – кто ещё может похвастаться, что гулял в компании настоящего боевого человекоподобного робота, да ещё и с внешностью красивой девчонки?

Это, наверное, странно прозвучит, но до меня вся глубина момента дошла только на пятой «прогулке»: вот оно, невероятное и, казалось бы, далёкое будущее – шагает рядом со мной! Подозреваю, именно так должен был чувствовать себя первый космонавт на Луне, поверхность которой, к слову, в этом мире так и осталась неистоптанной. Дело в том, что в отличие от Агаты, создание Ирис я наблюдал (и принимал в нём непосредственное участие!) фактически с нуля. По отдельности каждый этап не казался чем-то невероятным и запредельным, потому постепенно приближающийся к итоговому виду и функционалу прототип я воспринимал... ну, обычно. Я был горд собой, доволен, что участвую в таком творческом и необычном деле, и особенно тем, что итоговый результат сильно напоминал какого-нибудь персонажа из аниме или японской манги: там вечно рисуют кawaiiных андроидов со вполне человеческим внешним видом и поведением. До меня как-то не доходила вся серьёзность ситуации – может быть ещё и потому, что регулярно переводимую Абишевым на счёт в Имперской Сберегательной Кассе зарплату мне тупо было негде потратить. Кроме совсем уж мелочи в школьной столовой, когда хотелось сладких булок и редких походов в кафе в Ундерхаане: всем необходимым персонал «Каменного цветка» снабжали, вплоть до повседневной одежды и белья. Да и в кафе я сидел больше от желания сменить обстановку и... обожраться особо вкусным мороженым – почему-то наш повар из «пансионата» именно это лакомство делал ничуть не вкуснее магазинного варианта...

Хотя скорее всего это был просто защитный механизм человеческой психики: уж слишком сильное это потрясение – переход в другой мир, резкая смена биологического возраста, потеря привычного круга общения, встраивание в одновременно совершенно чужую и так похожую на старую социальную среду. Подсознательно я считал всё происходящее... ну, игрой воображения, что ли? Это как читать захватывающий роман: магия? Окей, магия. О, «откат» возраста? Супер, а что дальше? Ну и так далее. Впрочем, возможно, дело было всё-таки в биологии: свои подростковые годы «в первый раз» я помнил уже не особенно чётко – не в смысле событий, а ощущений. Ведь когда мальчишки играют «в

танчики», а девочки в куклы – в их головах они вполне себе могут быть как живыми и одушевлёнными, так и нет – одновременно. Недаром машину разрешают водить только к шестнадцати годам – взросление проясняет, «вдавливает» в реальность сознание, конкретизирует мышление. А особенно отрезвляет, когда видишь, как Ирис разбивает кулаками головы манекенам-мишеням. Самостоятельно, а не повторяя движение за облепленным акселометрическими и пространственными датчиками оператором. Даже если боевая машина выглядит как юная девушка, она остаётся боевой машиной... Впрочем, как неоднократно испытал я на собственном опыте – про это очень легко забыть.

Я в очередной раз покосился на подопечную и в очередной раз невольно восхитился плавной и грациозной походкой. Никакого пошлого виляния бёдрами – голый функционал. После записи моторики с тела оператора у «цветка» самостоятельно получалось только кривое ковыляние, сколько мы ни бились. В итоге пришлось заставить оптимизировать алгоритмы движения саму БИУС: примерно так учится ходить человек. Только маленький человек ходит за мамой из инстинкта держаться рядом, а мы ставили разные задачи: добиться максимальной скорости передвижения с заданной силой мышечного сокращения, на остойчивость верхней половины тела (для стрельбы из ручного оружия – незаменимо), потом с бревном в руках, потом – на плече, с грузом стальных шариков в сумке, и дальше, и дальше. Потом упражнения в различных комбинациях – и в результате получилось такое. Такая. Хотя, может, я и излишне люблю, – но антропоморфный проект получился реально красивым. Чёткие движения, выверенные повороты, оставшиеся от оцифровки движений с реальных людей чисто женские повороты головы с перебрасыванием волос. Всё это сначала жрало шайтанову уйму оперативных ресурсов, но, по мере обобщения информации, управляющая система оптимизировала алгоритмы, приводила к общим случаям все проявления моторики, и процессорная нагрузка постепенно падала, сохраняя результат и давая возможность перенаправлять мощности на что-то ещё. Андроид училась, как и любая самоорганизующаяся кибернетическая система с обратной связью, и, за счёт огромной вычислительной мощности – училась быстро. Смотреть на дело рук своих было откровенно приятно...

...Ирис, идущая рядом со мной, повернула голову, в очередной раз поймав мой взгляд... и внезапно, мягко подшагнув, очень естественно взяла «под руку», не снижая темпа движения. Как будто так и надо. Секунды через три я вспомнил, что всё-таки нужно дышать. Ещё через секунду – про планшет в руке. Это вообще что такое сейчас произошло?!

Разобрался. Ушло у меня на это около двадцати минут неспешного шага «под ручку». Кстати, поддержка Ирис оказалась неожиданно в тему – так бы, пожалуй, мог и в фонарный столб «войти», или просто споткнуться. Что ж, я оказался прав. И в том, что новое дополнение к алгоритму анализа информации даст новые возможности БИУС, и том, что любая работа с кодом может привести к совершенно неожиданным результатам.

Вообще, ничего принципиально нового мы с Маркуловым не вводили: в очередной раз оптимизировали и расширили охват алгоритма создания ассоциативных связей. Машинная логика, как и любая другая, выводит из двух и более фактов третий, потом над результатом проводит ту же операцию – и так далее. Обычно это сопоставление информации непосредственного наблюдения и информации из целевых разделов памяти. Ну, например: засечённая движущаяся цель имеет температуру выхлопных газов 62 градуса Цельсия, как у основного танкового дизеля противника и силуэт, совпадающий на 65 % с силуэтом танка противника. Вывод? Это танк противника. Если полётное задание «фурии» включает уничтожение наземных боевых машин в данном квадрате местности, то дрон атакует.

Примерно так же работают мозги у, скажем, змеи: у пресмыкающегося тоже нет никакого могучего интеллекта, что не мешает ей быть успешным и опасным хищником. Набор несложных триггеров-условий: тёплое, движется определённым образом и имеет размеры, позволяющие проглотить. Подходит? Еда! И включается алгоритм охоты: скрытое выдвижение на расстояние броска – и удар с впрыском яда. А то, что вместо хомячка или мышки подойти под описание цели может пятка туриста, опрометчиво снявшего сапог и болтающего ногой – просто ошибка распознавания образа... Правда, ни туристу, ни змее от этого не легче. Однако, если цена ошибки для всех змей и всех людей не так уж высока, то ошибка БИУС в селекции целей во время диверсионной операции может стоить очень и очень дорого. В особо серьёзных случаях – вплоть до проигрыша в войне.

То, что комплекс с высокой степенью автономности предназначен для преимущественно превентивных атак штабов, защищённых складов и ракетных пусковых установок в глубоком тылу врага, я догадался после чтения технического задания ещё четыре года назад: мощное оружие с «бесконечными» боеприпасами на малозаметной мобильной летающей платформе, работающее в одиночку и без связи с оператором – просто напрашивается вывод, что это своего рода аналог подводной лодки-стратега с атомным оружием на борту у берегов противника, только для суши. Наверное, мой вывод был несколько наивным, но вихрѳвцы со мной или при мне на тему предназначения «изделий» принципиально не говорили, может, и между собой тоже. А я сам, разумеется, не спрашивал – инструкции СБшника были в этом вопросе однозначны. И только когда Ирис во время «безумного чаепития» напугала битого жизнью профессионала, до меня наконец дошло. Шайтанова магия – это ведь не только молнии и прочие «чудеса»-спецэффекты, это ещё и экстрасенсорика! Нет пилота – нет и «засветки».

Надо сказать, что наличие пилота или удаленного оператора – это далеко не всегда

преимущество даже если оставить за скобками магию. Например, ракета ПВО после запуска сама находит и сопровождает выбранную цель, причем принимает решения в полете на порядок быстрее, чем человек – тот просто не успел бы среагировать. Тот же пример, что со змеей или стрекозой: кто лучше ловит мышей или комаров? Явно не гомо сапиенс. Сравнительная примитивность нервной системы компенсируется скоростью обработки информации и принятия решения. Собственно, разум как таковой выигрывает при решении нестандартных, новых, не шаблонных, ранее никогда не встававших задач. Существенно шире обобщая опыт, чем требуется для работы прямой логики, возможность думать позволяет человеку выделить абстрактные, не привязанные к условиям закономерности, – а потом применить их в решении конкретной задачи, когда не хватает тех самых связанных фактов: это и называют «абстрактным мышлением».

Разумеется, создать изделиям «Каменного цветка» абстрактное мышление вот так, походя – нечего было и думать: даже специалисты-нейрофизиологи не до конца понимают, как наш разум работает. Зато нам с Маркуловым было вполне по силам написать алгоритм расширенного анализа информации – базы данных БИУСов дрона и работа достаточно разрослись, чтобы это дало какой-то эффект. Оно и дало. Ирис увязала между собой предложение прогулки, чаепитие с «флиртом», еще некоторое количество моментов, включая обработанные записи предыдущих совместных выходов в город, самостоятельно найденные в глобальной сети данные и даже настройки активного шаблона – и построила новую ассоциативную связь. Ну действительно, она – «девочка», я – «мальчик», идём вместе и гуляем, отношение субъекта к объекту – полное, так сказать, доверие (как у программиста и оператора одновременно у меня был самый полный доступ к БИУС). Получается, мы как бы парочка, по крайней мере, близко по выделенным параметрам к таковой. А значит, коррекция шаблона поведения с объектом «Егор Далеев» в рамках заданной «социальной мимикрии».

Прочтя все записи в БД, найденные выделением связей новым, расширенным алгоритмом, и поняв, что работа управляющей системы не нарушена, я успокоился. Интересный результат, несколько не то, чего я ждал, но логичный. Мог бы и сам сообразить, а не волноваться и напрягаться. Фу-ух, аж вспотел, пока работал... Я наконец-то оторвался от планшетного компьютера, огляделся (ну нифига мы уже прошли!), посмотрел на подопечную, улыбнулся, увидел в ответ «робкую» полуулыбку, и, скорее для себя, подводя черту, чем для андроида, произнес вслух:

[Купить полную версию книги](#)

notes

Территории от западных границ Великой Империи и до Урала носят общее название «Великороссия».

Батыр – в данном случае «военачальник», или, конкретнее, «князь, имеющий собственную дружину». Хотя слово и имеет одни и те же корни со словом «бахадур» (рус. «богатырь»), т. е. «великий воин», значение у него другое. Таким образом, Абишев не просто бек, (т. е. по-русски – князь), но ещё и имеет право содержать собственное небольшое воинское подразделение, подчиняющееся лично ему. В Великой Империи такую привилегию имеют только те князья, что лично были допущены до присяги Императору, а это, в свою очередь, невозможно без службы в армии, флоте или ВКС Великой Империи.

Ношение личного оружия в Империи за несколько веков обросло множеством традиций. В том числе монгольская плеть, традиционное оружие степняков, может иметь от одного до семи хвостов: чем больше, тем сложнее выучиться такой владеть. Семь хвостов на плётке за поясом у человека как минимум означают высочайшее мастерство обращения с подобным оружием.

Бейсе – досл. «боярин», уважительное обращение к беку или князю от гражданского лица. Военный, решивший подчеркнуть уважительность обращения, сказал бы «батыр» (напр. «Тогжан-батыр или Абишев-батыр»).

Гойзу – дворянин (*кит.*), ударение на последний слог.

Традиционно Пути самосовершенствования принято нумеровать так: Первый Путь – Путь Воина, Второй Путь – Путь Духа, Третий Путь – Путь Силы. Учение о Путиях не такое уж древнее, как принято считать: оно зародилось как результат множественной перекрёстной интеграции восточных духовных практик и православных обычаев в ходе разработки так называемого «нового канона» Русского Православия. Изначально составление «Нового Канона» инициировано Иваном V Победоносцем в попытке примирить возникающие разногласия между христианами, буддистами и даосистами. Работа эта растянулась на без малого семьдесят лет, но дала воистину неожиданные плоды. Впрочем, свою задачу всё-таки проведенная реформа церкви (церквей) выполнила.

«Магами» традиционно называют в Европе адептов Третьего Пути. В отличие от первых двух путей, в Великой Империи официально все адепты Пути Силы должны входить в состав достаточно закрытой организации «Орден Равновесия».

Тихомиров – один из разработчиков ракетных снарядов, в нашем мире позднее получивших ласковое прозвище «Катюша». Фёдоров – разработчик автоматических винтовок и пистолетов-пулеметов, в этом мире он занял место Калашникова.

Напоминаю, Егор описывает ситуацию на 2012 год, как она ему виделась.

РХБЗ – Радиационная, химическая и биологическая защита.

Хасс – вид соревнования на точность и скорость в дисциплине «традиционный монгольский лук». Дистанция шестьдесят метров (для женщин), надо поразить двадцать цилиндрических мишеней на точность и скорость.

Нарма (Норма) – *бурятск.* «переносица», одна из распространенных фамилий, в т. ч. и в Монголии.

«Про», в смысле pro – от professional, оборудование для рабочих, а не развлекательных нужд. Простим Егору его жаргон – всё-таки быть тридцатипятилетним программмером – это уже не профессия, это – диагноз.

Линусоид – в оригинале, человек, предпочитающий в качестве домашней системы OS Linux, а теперь скорее администратор linux-систем.

Кандидат в Мастера Спорта.

Шифу – кит. «учитель». В разговорном имперском имеет то же значение, что сейчас у нас японское словечко «сенсей».

Хонгурзул – имя переводится как «тюльпан».

«Прозвание, дарованное Небом» – по ханьской традиции считается, что устами Императора говорит само Небо. Не всегда, само собой, но в моменты суда, например. То есть Императорский суд – высшая инстанция. Таким образом, зачёт спортивного достижения в обход существующего стандартного порядка не является чем-то странным. Дарование прозваний – фактически персонального титула – давняя прерогатива ханьских владык. На данный момент традиции Императорского правления в Великой Империи представляют диковато выглядящую смесь русских, ханьских и некоторых иных традиций, о чём в тексте ещё будет упомянуто.

Пред ликом Императора – фактически имеет место аналог Олимпиады, только не мирового класса (которого в этом мире просто нет), а все-великоимперского. Причем аналог именно той задумки Олимпиады, что была реализована в первой половине двадцатого века, а не той, во что превратилась она сейчас.

Лазурный Дворец – независимая имперская аудиторская служба, собирающая и анализирующая информацию для администрации монарха. ЛД не имеет права самостоятельно вмешиваться в государственные и частные дела, однако по своему усмотрению может на основе полученных данных самостоятельно отправить запретительную либо, наоборот, поощрительную рекомендацию частному лицу или компании. Обычно к таким «рекомендациям» чутко прислушиваются – это гораздо лучше, чем нарваться на судебное решение или попасть под следствие. Поощрительные эдикты, наоборот, являются лучшей залоговой бумагой для получения, например, кредита под одобренное и легко открывают ранее закрытые государственные учреждения, архивы и прочее.

Стандартная интерпретация этого теста звучит следующим образом: «Человек взаимодействует с одним компьютером и одним человеком. На основании ответов на вопросы он должен определить, с кем он разговаривает: с человеком или компьютерной программой. Задача компьютерной программы – ввести человека в заблуждение, заставив сделать неверный выбор».

Кто бы мог подумать в 2012-м, что уже через пару лет мы будем говорить «Окей, гугл», и воспринимать корректный результат поиска по голосовой команде как должное! А ведь бета-версия сервиса тогда уже работала.

Японские отец и мать.

Это оправдано: в инфраструктуре полигона как объекта ничего секретного нет, а части, выезжающие на полигон со всей страны на «обкатку» в условиях степи летом и зимой, должны эффективно использовать время для тренировок, а не тратить его на бытовые хозработы. С 2013 года такой порядок повсеместно стал внедряться в частях ВС РФ вместе с новыми нормами проживания солдат, что, как говорят, увеличивает боеготовность расквартированных по ППД частей ничуть не меньше, чем регулярные стрельбы и учения.

Ципао – традиционная китайская одежда, длинная рубаша с разрезами по бокам, носимая как верхняя одежда мужчинами и женщинами. Сейчас Ц. обычно кроится и носится как женское платье с подолом разной длины, и женщинами носится без традиционных штанов, что в классическом исполнении выглядело бы как минимум неприлично. Ц. в нашем мире имеет для китайцев примерно то же историческое значение, что кимоно – для японцев.

Цзянь – китайский классический прямой меч длиной около метра.

Иерей – сан православного священника, дающий право совершать Святые Таинства (исповедь, причастие). В разговорной речи мы говорим «батюшка».

Окормление – можно кратко перевести на современный русский как «духовное сопровождение» (по аналогии с сопровождение техническим). Окормление – работа с паствой, постоянным контингентом прихожан в церкви.

На самом деле большинство священников все равно дети священников – разве что ранг дается только после обучения в семинарии и должен быть подтвержден централизованно церковной администрацией. То есть фактически разница как между частным бизнесом и франшизой.

Реальный факт.

ЦПУ – Центральное (Имперское) Полицейское Управление, расположено в г. Петроград.

ВЧ – здесь и далее принятое в документах сокращение словосочетания «Воинская Часть». ВЧ может быть чем угодно – от обычной пехотной военной части до космодрома или склада с гуталином, принадлежащим армии. Размер ВЧ тоже может варьироваться – от нескольких человек до десятков тысяч личного состава, с подчинённой им техникой. Обозначение ВЧ (номер) – общепринятый способ не раскрывать секретные сведения вроде расположения и функционала части при переписке или указании чего-либо в документах.

Песня группы «Сектор Газа» – «Казачья», <http://pleer.com/tracks/98439SIp>

Ички (*монг.*) – изначально «особо доверенный слуга, могущий обращаться к беку без разрешения», совр. в Монголии Великой Империи – работник с высоким уровнем доступа и доверия, но без воинских умений.

Титул «бек» равен русскому княжескому или, если европейскому – то герцогскому. Так что Егор, про себя называя Абишева притащенным из родного мира словосочетанием «оружейный барон», на самом деле сильно принижает родовитость своего босса.

Скремблер (*англ.* scramble – шифровать, перемешивать) – программное или аппаратное устройство (алгоритм), выполняющее скремблирование – обратимое преобразование цифрового потока без изменения скорости передачи с целью получения свойств случайной последовательности.

Примерно то же самое, что проводит любой компьютер перед загрузкой операционной системы.

В теле человека разные анатомы выделяют разное число скелетных мышц, 640 – одно из наиболее часто встречающихся значений.

АНМ – Автономный Наземный Модуль. Соответственно, дрон в комплексе Ирис-Агата будет именоваться АВМ, Автономный Воздушный Модуль.

Очевидно, что имитация дыхания – самый простой способ организовать воздушное охлаждение «начинки» человекоподобного робота.

«Зловещая долина» – название закономерности, впервые озвученной Масахиро Моро. На определённом уровне сходства робота с человеком машина перестаёт восприниматься как машина и начинает казаться ненормальным человеком или оживлённым трупом, кадавром, что пугает. Но если ещё приблизить параметры робота к человеческим, то отторжение пропадает. Собственно, сама «долина» расположена между границ «похожести», в которых возникает дискомфорт.

Егор «умно» переделал строки из песни В. Цоя «Мама-анархия».

Просто дата. Привычных для нас майских и других весенних праздников в ВИ, разумеется, нет.